

Заходер Борис

Сказки для людей

Художественная литература 2024

Сказки для людей

Заходер Борис

Предисловие

Тот, кто внимательно прочитает эти сказки, наверно, заметит, что они очень разные. Как будто их рассказывают разные люди.

Так оно и есть. Только рассказывают их не разные люди, а разные звери. И птицы. И даже рыбы. Ну и, понятное дело, рассказывают они по-разному.

Сказку про Серую Звёздочку, например, рассказывает Ёжик. Сказку про Отшельника и Розу - старая Камбала. А сказку "Ма-Тари-Кари" - сам Учёный Скворец.

Я назвал их "Сказки для людей".

Странное название, скажете. Разве не все сказки - для людей?

Так-то оно так. Но эти сказки, как я уже говорил, рассказывают сами звери и рассказывают их людям. Всем людям - и взрослым, и детям. Звери ведь очень уважают людей, считают, что они сильнее и умнее всех на свете. И хотят, чтобы люди относились к ним хорошо. Чтобы были к ним добрее. И они надеются, что, когда люди их лучше узнают, они и станут к ним добрее. Именно затем звери и рассказывают о своей жизни, о своих радостях и печалях, о своих весёлых приключениях... Рассказывают-то они не сказки, а чистую правду. Но в их жизни столько тайн и чудес, что многим людям эти правдивые истории могут показаться сказками...

Русачок

Жил-был маленький зайчик, по имени Русачок, и был у него знакомый Головастик. Зайчик жил на лесной опушке, а Головастик - в пруду.

Бывало, встретятся - Головастик хвостом виляет, Русачок лапками барабанит. Русачок ему - про морковку, а Головастик - про водоросли. Весело!

Вот как-то приходит Русачок к пруду - глядь-поглядь, а Головастика нет. Как в воду канул!

А на берегу какой-то Лягушонок сидит.

- Эй, Лягушонок, - говорит Русачок, - не видал моего знакомого Головастика?

- Нет, не видал, - отвечает Лягушонок, а сам хохочет: - Хва-хва-хва!

- Чего же ты смеёшься, - обиделся Русачок, - у меня приятель пропал, а ты хохочешь! Эх, ты!

- Да не я "эх", - говорит Лягушонок, - а ты "эх"! Своих не узнаёшь! Это ж я и есть!

- Что значит - я? - удивился Русачок.

- Я и есть твой знакомый Головастик!

- Ты? - еще больше удивился Русачок. - Быть того не может! У Головастика хоть хвост был, а у

тебя что? Ты совсем и не похож!

- Мало ли что не похож, - отвечает Лягушонок, - а всё равно это я! Просто я вырос - и в Лягушонка превратился. Так всегда бывает!

- Вот так штука, - говорит Русачок. - Всегда, говоришь, так бывает?

- Конечно, всегда! Все так: как вырастут, так и превратятся! Из червячка - комар или там жук получится, из икринки - рыбка, а из Головастика - известное дело - Лягушка! Даже стихи такие есть:

Головастики спешат
Превратиться в лягушат!

Ну, тут Русачок ему окончательно поверил.

- Спасибо, что сказал, - говорит. - Тут есть над чем подумать!

И разошлись.

Пришёл Русачок домой и спрашивает свою маму:

- Мам! Скоро я вырасту?

- Скоро, скоро, сынок, - говорит мама. - Как листья пожелтеют - будешь большой! Мы, зайцы, быстро растём!

- А в кого я превращусь?

- Что значит - в кого превращусь? - не поняла мама.

- Ну, кем я стану, когда вырасту?

- Ясное дело, кем, - отвечает мама, - станешь большим, красивым зайцем, как твой папа!

- Как папа? Ну, это мы ещё посмотрим! - сказал Русачок.

И побежал, пошёл смотреть, в кого бы ему превратиться.

"Посмотрю, - думает, - на всех, кто в лесу живёт: кто больше понравится, тем и стану!"

Маленький, а хитрый!

Идёт по лесу, а кругом птички поют.

"Эх, - думает Русачок, - а не стать ли и мне птичкой? Буду себе летать да песни распевать! Уж больно я петь люблю, а мы, зайцы, очень тихо поём никто и не слышит!"

Только он это подумал - видит: сидит на суку птица. Замечательная птица: больше зайца ростом, перья чёрные, брови красные и поёт замечательно:

- Бу-бу-бу! Чуфык-чуфык!

- Тётенька-птица! - кричит Русак. - Как вас звать?

- Чуфык-чуфык! - отвечает Глухарь (это он и был).

- Дяденька Чуфык, как мне птицей стать?

- Чуфык-чуфык! - отвечает Глухарь.

- Хочу в птицу превратиться, - объясняет Русачок.

А тот всё своё:

- Бу-бу-бу! Чуфык-чуфык.

"Не слышит он, что ли?" - подумал Русачок и только было собрался поближе подойти, слышит: топ-топ, топ-топ!

- Охотник! Спасайся, дяденька Чуфык! - крикнул Русачок и едва успел в кустах схорониться, вдруг ружьё как загремит: бах! Бах!

Выглянул Русачок: в воздухе дыму полно, перья летают - полхвоста у Глухаря отхватил Охотник...

Вот тебе и чуфык!

"Нет, - думает Русачок, - не буду я Глухарём: хорошо он поёт, громко, да никого не слышит; тут и хвоста лишиться недолго... Наше дело - ушки на макушке держать!"

Поскакал-побежал дальше, а для храбрости сам песню запел - Храбрую Заячью песню:

Раз-два-три-четыре-пять
Шёл Охотник погулять!
Вдруг Зайчонок выбегает
И давай в него стрелять!
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
Убежал Охотник мой!

Спел - на душе веселее стало.

Видит - Белка с ветки на ветку прыгает.

"Здорово прыгает, - думает Русачок, - не хуже меня! А не стать ли мне Белкой?"

- Белка, Белка, - говорит, - иди-ка сюда!

Соскочила Белка на самую нижнюю ветку.

- Здравствуй, Русачок, - говорит, - чего тебе?

- Расскажи, пожалуйста, как вы, белки, живёте, - просит Русачок, - а то я надумал Белкой стать!

- Ну что ж, дело хорошее, - говорит Белка. - Живём мы прекрасно: с ветки на ветку прыгаем, шишки лущим, орешки грызём. Забот только много: гнездо устрой, на зиму запас собирай - грибы да орехи... Ну да ничего, когда привыкнешь! Полезай на дерево - я тебя всей беличьей науке обучу!

Подошёл Русачок к дереву, а сам думает: "Заботы какие-то... Мы, зайцы, без забот живём, гнезда не строим, норы не роём..."

Полез было на дерево, да голова у него закружилась...

- Нет, - говорит, - не хочу Белкой быть! Не наше это дело - по деревьям лазить!

Засмеялась Белка, зацокала, шишкой в него запустила.

Спасибо, не попала.

Пошёл Русачок дальше. Пришёл на полянку. А там веселье - мышата в салки играют. Засмотрелся на них Русачок.

Вдруг - что такое: побежали все сломя голову прочь.

- Лиса! Лиса! - кричат.

И верно, идёт кума Лиса: шубка рыжая, грудка белая, ушки на макушке, хвост поленом. Красота!

"Неужели, - думает Русачок, - это они её, такую красивую, испугались! Не может быть!"

Вышел смело, поклонился и говорит:

- Здравствуйте, кумушка Лиса! Можно, я у вас одну вещь спрошу?

- Ишь какой смелый! - удивилась Лиса. - Ну что ж, спрашивай, только поживей, а то у меня с вашим братом разговор короткий!

- А я недолго. Научите меня, как мне Лисой стать? Расскажите, как живёте? Очень вы мне понравились!

Лисе лестно.

- Ну что ж, - говорит, - живу обыкновенно: кого изловлю - того задавлю, кого задавлю - того съем! Вот и вся наука!

Ох, как страшно стало Русачку! Но виду не подал - только ушами стриждёт.

- Вот, - говорит, - почему вас все боятся! Нет, не стану я Лисой - не наше это дело других обижать!

- И хорошо, - говорит Лиса, - а то, если зайцы лисами станут, кого мы, лисы, есть будем?

А у самой глазищи так и горят, зубищи оскалила: сейчас прыгнет - и прощай, Русачок!

Только Русачок её даже недослушал: как припустится - поминай как звали! Бежит, а про себя приговаривает: "Ишь чего выдумала! Живых зайцев есть! Это значит: стань я Лисой, я сам себя съесть должен! Ну и ну!"

Долго бегал Русачок по лесу. Всех зверей повидал.

Все ему, кроме Волка - он ещё злей Лисы, - понравились. Да только не совсем.

Хотел было Мышкой стать - да больно мала и уши короткие; хотел Ежом - да больно колючий, никто его не погладит, а заяц - он ласку любит; хотел Бобром - да в реке больно мокро...

Совсем было собрался Медведем стать: сказал ему Медведь, что он мёд ест, а мёд, мол, ещё слаще морковки, - да не захотел Русачок зимой в берлоге спать, лапу сосать.

- Мы, - говорит, - этого не можем. Наше дело бегать.

Бегал-бегал - прибежал к болотцу лесному.

Да так и замер.

Стоит зверь - всем зверям зверь: сам большой-пребольшой, больше Медведя, ноги длинные, уши - не хуже заячьих, да целых две пары! А глаза добрые-предобрые.

Стоит - травку щиплет, осиновую ветку гложет.

Уж как он Русачку понравился - и сказать невозможно!

Поклонился он зверю низёхонько.

- Здравствуйте, дяденька, - говорит, - как вас звать-величать?

- Здравствуй. Русачок, - говорит великан, - звать меня Лось Сохатый.

- А зачем у вас, дяденька, две пары ушей?

Засмеялся Лось Сохатый.

- Это, - говорит, - ты, видно, мои рога за уши принял!

- А зачем вам рога?

- От врага защищаться, - говорит Лось. - От волка там или ещё от кого.

- Ой, как здорово! - говорит Русачок. - А как вы, лоси, живёте?

- Живём обыкновенно: ветки гложем, траву щиплем.

- А морковку едите?

- Едим и морковку, коли попадётся.

- А других зверей не едите?

- Бог с тобой, - говорит Лось. - Что придумал!

Тут Лось ещё больше Русачку понравился.

"Стану Лосем", - думает.

- А по деревьям не лазите? - спрашивает.

- Да что ты! Зачем это?

- А бегаєте быстро?

- Ничего, не жалуюсь, - смеётся Лось Сохатый.

- А зимой в берлоге не спите, лапу не сосёте?

- Что я - Медведь, что ли? - фыркнул Лось.

Ну, тут совсем решил Русачок Лосем стать.

Но на всякий случай ещё об одном решил спросить:

- А скоро ли можно Лосем стать?

- Ну что ж, - говорит Лось Сохатый, - скоро: расти надо лет пять этак или шесть - и будет из Лосёнка настоящий Лось Сохатый!

Уж как тут Русачок огорчился - чуть не заплакал!

- Нет, - говорит, - не наше это дело - пять лет расти! До свиданья, дяденька Лось! Ничего у меня не выходит...

- Прощай, малыш, - говорит Лось Сохатый. - Не горюй!

И побежал Русачок домой.

Подбежал к знакомому пруду - в пруду жёлтые листья плавают, а на большом листе Лягушонок сидит. Подрос он, конечно. Пожалуй, и Лягушкой назвать можно, но Русачок его всё равно сразу узнал.

- Здравствуй, - кричит, - бывший Головастик!

Он-то узнал, а Лягушонок, видно, нет: испугался и в воду нырнул.

Удивился Русачок. "Что это он?" - думает.

Высунулся Лягушонок из воды и говорит:

- Эх, ты! Чего людей пугаешь?

- Да не я "эх", а ты "эх"! - засмеялся Русачок. - Что ж ты, бывший Головастик, своих не узнаёшь? Это ж я!

- Что значит - я? - удивился Лягушонок.

- Ну я, твой знакомый Русачок.

- Вот так так, - говорит Лягушонок. - Какой ты Русачок? Ты самый настоящий Заяц-Русак!

И нырнул.

Посмотрелся Русачок в воду, когда круги успокоились.

Видит - и верно: стал он большим, красивым Зайцем. Точь-в-точь как папа: шёрстка пушистая, лапы сильные, глаза большие, а уши - ни в сказке сказать, ни пером описать!

И забарабанил он лапами.

От радости.

Серая Звездочка

- Ну так вот, - сказал папа Ёжик, - сказка эта называется "Серая Звёздочка", по названию тебе ни за что не догадаться, про кого эта сказка. Поэтому слушай внимательно и не перебивай. Все вопросы потом.

- А разве бывают серые звёздочки? - спросил Ежонок.

- Если ты меня ещё раз перебеёшь, не буду рассказывать, - ответил Ёжик, но, заметив, что сынишка собирается заплакать, смягчился: - Вообще-то их не бывает, хотя, по-моему, это странно: ведь серый цвет самый красивый. Но одна Серая Звёздочка была.

Так вот, жила-была жаба - неуклюжая, некрасивая, вдобавок от неё пахло чесноком, а вместо колючек у неё были - можешь себе представить! бородавки. Брр!

К счастью, она не знала ни о том, что она такая некрасивая, ни о том, что она - жаба. В-первых, потому, что была она совсем маленькая и вообще мало что знала, а во-вторых, потому, что её никто так не называл. Она жила в саду, где росли Деревья, Кусты и Цветы, а ты должен знать, что Деревья, Кусты и Цветы разговаривают только с теми, кого они очень-очень любят. А ведь не станешь ты называть того, кого ты очень-очень любишь, жабой?

Ежонок засопел в знак согласия.

- Ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень любили жабу и поэтому звали её самыми ласковыми именами. Особенно Цветы.

- А за что они её так любили? - тихонечко спросил Ежонок.

Отец насупился, и Ежонок сразу свернулся.

- Если помолчишь, то скоро узнаешь, - строго сказал Ёжик. Он продолжал: - Когда жаба появилась в саду, Цветы спросили, как её зовут, и, когда она ответила, что не знает, очень обрадовались.

"Ой, как здорово! - сказали Анютины Глазки (они первыми увидели её). Тогда мы сами тебе придумаем имя! Хочешь, мы будем звать тебя... будем звать тебя Анютой?"

"Уж лучше Маргаритой, - сказали Маргаритки. - Это имя гораздо красивее!"

Тут вмешались Розы - они предложили назвать её Красавицей; Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить), а цветок, по имени Иван-да-Марья, предложил ей называться "Ванечка-Манечка".

Ежонок фыркнул и испуганно покосился на отца, но Ёжик не рассердился, потому что Ежонок фыркнул вовремя. Он спокойно продолжал:

- Словом, спорам не было бы конца, если бы не Астры. И если бы не Учёный Скворец.

"Пусть она называется Астрой", - сказали Астры.

"Или, ещё лучше, Звёздочкой, - сказал Учёный Скворец. - Это значит то же самое, что Астра, только гораздо понятнее. К тому же она и правда напоминает звёздочку. Вы только посмотрите, какие у неё лучистые глаза! А так как она серая, вы можете звать её Серой Звёздочкой. Тогда уж не будет никакой путаницы! Кажется, ясно?"

И все согласились с Учёным Скворцом, потому что он был очень умный, умел говорить несколько настоящих человеческих слов и насвистывать почти до конца музыкальное произведение, которое называется, кажется... "Ёжик-Пыжик" или как-то в этом роде. За это люди построили ему на тополе домик.

С тех пор все стали называть жабу Серой Звёздочкой. Все, кроме Колокольчиков, они по-прежнему звали её Динь-Динь, но ведь это было единственное слово, которое они умели говорить.

"Нечего сказать, "звёздочка", - прошипел толстый старый Слизняк. Он вполз на розовый куст и подбирался к нежным молодым листочкам. - Хороша "звёздочка"! Ведь это самая обыкновенная серая..."

Он хотел сказать "жаба", но не успел, потому что в этот самый миг Серая Звёздочка взглянула на него своими лучистыми глазами - и Слизняк исчез.

"Спасибо тебе, милая Звёздочка, - сказала Роза, побледневшая от страха. - Ты спасла меня от страшного врага!"

А надо тебе знать, - пояснил Ёжик, - что у Цветов, Деревьев и Кустов, хотя они никому не делают зла - наоборот, одно хорошее! - тоже есть враги. Их много! Хорошо ещё, что эти враги довольно вкусные!

- Значит, Звёздочка съела этого толстого Слизняка? - спросил Ежонок, облизнувшись.

- Скорее всего, да, - сказал Ёжик. - Правда, ручаться нельзя. Никто не видел, как Звёздочка ела Слизняков, Прожорливых Жуков и Вредных Гусениц. Но все враги Цветов исчезали, стоило Серой Звёздочке посмотреть на них своими лучистыми глазами. Исчезали навсегда. И с тех пор как Серая Звёздочка поселилась в саду, Деревьям, Цветам и Кустам стало жить гораздо лучше. Особенно Цветам. Потому что Кусты и Деревья защищали от врагов Птицы, а Цветы защищать было некому - для Птиц они слишком низенькие.

Вот почему Цветы так полюбили Серую Звёздочку. Они расцветали от радости каждое утро, когда она приходила в сад. Только и слышно было: "Звёздочка, к нам!", "Нет, сперва к нам! К нам!.."

Цветы говорили ей самые ласковые слова, и благодарили, и хвалили её на все лады, а Серая Звёздочка скромно молчала - ведь она была очень, очень скромная, - и только глаза её так и сияли.

Одна Сорока, любившая подслушивать человеческие разговоры, однажды даже спросила, правда ли, что у неё в голове спрятан драгоценный камень и поэтому её глаза так сияют.

"Я не знаю, - смущённо сказала Серая Звёздочка. - По-моему, нет..."

"Ну и Сорока! Ну и пустомеля! - сказал Учёный Скворец. - Не камень, а путаница, и не у Звёздочки в голове, а у тебя! У Серой Звёздочки лучистые глаза потому, что у неё чистая совесть - ведь она делает Полезное Дело! Кажется, ясно?"

- Папа, можно задать вопрос? - спросил Ежонок.

- Все вопросы потом.

- Ну, пожалуйста, папочка, только один!

- Один - ну, так и быть.

- Папа, а мы... мы полезные?

- Очень, - сказал Ёжик. - Можешь не сомневаться. Но слушай, что было дальше.

Так вот, как я уже сказал, Цветы знали, что Серая Звёздочка - добрая, хорошая и полезная. Знали это и Птицы. Знали, конечно, и Люди, понятно Умные Люди. И только враги Цветов были с этим не согласны. "Мерзкая, вредная злючка!" - шипели они, конечно, когда Звёздочки не было поблизости. "Уродина! Гадость!" - скрипели прожорливые Жуки. "Надо расправиться с ней! вторили им Гусеницы. - От неё просто нет житья!"

Правда, на их брань и угрозы никто не обращал внимания, и к тому же врагов становилось всё меньше и меньше, но, на беду, в дело вмешалась ближайшая родственница Гусениц - Бабочка Крапивница. На вид она была совершенно безобидная и даже хорошенькая, но на самом деле - ужасно вредная. Так иногда бывает.

Да, я забыл тебе сказать, что Серая Звёздочка никогда не трогала Бабочек.

- Почему? - спросил Ежонок. - Они невкусные?

- Совсем не поэтому, глупыш. Скорее всего, потому, что Бабочки похожи на Цветы, а ведь Звёздочка так любила Цветы! И наверно, она не знала, что Бабочки и Гусеницы - одно и то же. Ведь Гусеницы превращаются в Бабочек, а Бабочки кладут яички, и из них выводятся новые Гусеницы...

Так вот, хитрая Крапивница придумала хитрый план - как погубить Серую Звёздочку.

"Я скоро спасу вас от этой мерзкой жабы!" - сказала она своим сестрам Гусеницам, своим друзьям Жукам и Слизнякам. И улетела из сада.

А когда она вернулась, за ней бежал Очень Глупый Мальчишка. В руке у него была тубетейка, он размахивал ею в воздухе и думал, что вот-вот поймает хорошенькую Крапивницу. Тубетейкой.

А хитрая Крапивница делала вид, что вот-вот попадётся: сядет на цветок, притворится, будто не замечает Очень Глупого Мальчишку, а потом вдруг вспорхнёт перед самым его носом и перелетит на следующую клумбу.

И так она заманила Очень Глупого Мальчишку в самую глубину сада, на ту дорожку, где сидела Серая Звёздочка и беседовала с Учёным Скворцом.

Крапивница была сразу же наказана за свой подлый поступок: Учёный Скворец молнией слетел с ветки и схватил её клювом. Но было уже поздно: Очень Глупый Мальчишка заметил Серую Звёздочку.

"Жаба, жаба! - закричал он Очень Глухим Голосом. - У-у-у, какая противная! Бей жабу! Бей!"

Серая Звёздочка сперва не поняла, что он говорит о ней - ведь её никто ещё не называл жабой. Она не двинулась с места и тогда, когда Очень Глупый Мальчишка замахнулся на неё камнем.

"Звёздочка, спасайся!" - отчаянным голосом крикнул ей Учёный Скворец, чуть не подавившись Крапивницей.

В ту же минуту тяжёлый камень шлёпнулся на землю рядом с Серой Звёздочкой. К счастью, Очень Глупый Мальчишка промахнулся, и Серая Звёздочка успела отскочить в сторону. Цветы и Трава скрыли её из глаз. Но Очень Глупый Мальчишка не унимался. Он подобрал ещё несколько камней и продолжал швырять их туда, где шевелились Трава и Цветы.

"Жаба! Ядовитая жаба! - кричал он. - Бей уродину!"

"Дур-ра-чок! Дур-ра-чок! - крикнул ему Учёный Скворец. - Что за путаница у тебя в голове? Ведь она полезная! Кажется, ясно?"

Но Очень Глупый Мальчишка схватил палку и полез прямо в Розовый Куст туда, где, как ему казалось, спряталась Серая Звёздочка.

Розовый Куст изо всех сил уколол его своими острыми колючками. И Очень Глупый Мальчишка с рёвом побежал из сада.

- Урраа! - закричал Ежонок.

- Да, брат, колючки - это хорошая вещь! - продолжал Ежик. - Если бы у Серой Звёздочки были колючки, то, возможно, ей не пришлось бы так горько плакать в этот день. Но, как ты знаешь, колючек у неё не было, и потому она сидела под корнями Розового Куста и горько-горько плакала.

"Он назвал меня жабой, - рыдала она, - уродиной! Так сказал Человек, а ведь люди всё-всё знают! Значит, я жаба, жаба!.."

Все утешали её как могли: Анютины Глазки говорили, что она всегда останется их милой Серой Звёздочкой; Розы говорили ей, что красота - не самое главное в жизни (с их стороны это была немалая жертва). "Не плачь, Ванечка-Манечка", - повторяли Иван-да-Марья, а Колокольчики шептали: "Динь-Динь, Динь-Динь", и это тоже звучало очень утешительно.

Но Серая Звёздочка плакала так громко, что не слышала утешений. Так всегда бывает, когда начинают утешать слишком рано. Цветы этого не знали, но зато это прекрасно знал Учёный Скворец. Он дал Серой Звёздочке вволю выплакаться, а потом сказал:

"Я не буду тебя утешать, дорогая. Скажу тебе только одно: дело не в названии. И уж, во всяком случае, совершенно неважно, что про тебя скажет какой-то Глупый Мальчишка, у которого в голове одна путаница! Для всех твоих друзей ты была и будешь милой Серой Звёздочкой. Кажется, ясно?"

И он засвистел музыкальное произведение про... про Ёжика-Пыжика, чтобы развеселить Серую Звёздочку и показать, что считает разговор оконченным.

Серая Звёздочка перестала плакать.

"Ты, конечно, прав, Скворушка, - сказала она. - Конечно, дело не в названии... Но всё-таки... всё-таки я, пожалуй, не буду больше приходить в сад днём, чтобы... чтобы не встретить кого-

нибуть глупого..."

И с тех пор Серая Звёздочка - и не только она, а и все её братья, сестры, дети и внуки приходят в сад и делают своё Полезное Дело только по ночам.

Ёжик откашлялся и сказал:

- А теперь можешь задавать вопросы.

- Сколько? - спросил Ежонок.

- Три, - ответил Ёжик.

- Ой! Тогда... Первый вопрос: а правда, что Звёздочки, то есть жабы, не едят Бабочек, или это только в сказке?

- Правда.

- А Очень Глупый Мальчишка говорил, что жабы ядовитые. Это правда?

- Чепуха! Конечно, брать их в рот я тебе не советую. Но они совсем не ядовитые.

- А правда... Это уже третий вопрос?

- Да, третий. Всё.

- Как - всё?

- Так. Ведь ты уже задал его. Ты спросил: "Это уже третий вопрос?"

- Ну, папка, ты всегда дразнишься.

- Ишь какой умный! Ну ладно, так и быть, задавай свой вопрос.

- Ой, забыл... Ах, да... Куда же всё-таки исчезали все эти противные враги?

- Ну конечно же, она их глотала. Просто она так быстро хватает их своим языком, что никто не может за этим уследить, и кажется, будто они просто исчезают. А теперь у меня есть вопрос, пушистенский мой: не пора ли нам спать? Ведь мы с тобой тоже полезные и тоже должны делать своё Полезное Дело по ночам, а сейчас уже утро...

История Гусеницы

Вдоль садовой ограды малина и смородина росли так тесно, что казалось, там больше не поместиться и травинке, но крапива, видно, так не считала: ух, сколько её там было!

Там-то и жила Гусеница.

Жила она на самом большом кусте крапивы и с утра до ночи жевала крапиву - это было всё, что она умела делать, бедняжка!

Но не подумайте, что она жаловалась на свою судьбу. Ничего подобного!

- Ах, как хорошо жить на свете, когда крапивы вдоволь! - приговаривала она в те редкие

минуты, когда переставала жевать. - Да, это и называется жить в своё удовольствие! Как хорошо!

А кругом и правда было так хорошо!

Солнце с каждым днём поднималось всё выше, сияло всё ярче, грело всё сильнее - и на земле все старались ему подражать: деревья, кусты и травы тянулись в вышину; речка сверкала так, что больно было смотреть; всё теплее становился ветер, а луг покрылся тысячами маленьких жёлтых солнышек - это расцвели одуванчики.

Что говорить - была весна!

Но Гусеница и знать не желала о весне.

Она никогда не оглядывалась вокруг. Она смотрела только на крапиву, видела только крапиву, думала только о крапиве и жевала, жевала, жевала крапиву...

Даже Лесной Клоп, который жил по соседству, на ветке смородины, находил, что это чересчур.

- Конечно, еда - дело важное, - объяснял он Тлям, сидевшим под листом, - но нельзя же из-за еды - тем более из-за крапивы - забывать обо всём на свете! Где, спрашиваю я, где у этой Гусеницы высшие, духовные интересы? Тут ими и не пахнет!

И Тли, хотя они и ничего не понимали в этих рассуждениях, хором поддакивали Клопу: ведь сам-то Клоп, что и говорить, умел не только есть, но и пахнуть, да ещё как - особенно когда волновался. А он всегда волновался, если ему возражали...

Но Гусеница и не думала волноваться. Она, можно сказать, и ухом не вела (тем более что ушей у неё не было).

- Я выше этих пересудов, - ворчала она. - Я занимаюсь делом, а на всех остальных мне наплевать!

Спору нет, своё дело она знала: ведь далеко не каждый сумеет с утра до ночи глодать сырую крапиву и ни разу не обжечься! И всё-таки... И всё-таки, по-моему, ей не следовало так презирать всех остальных! Например, птиц.

- Поют, - сердито ворчала она, когда птицы распевали свои лучшие песни. - Поют и чирикают! Пустозвоны! Песнями сыт не будешь!

- Ах, нет! Петь - это так прекрасно! - вздохнул молоденький Кузнечик, который умел играть на своей скрипочке одну-единственную ноту. - Я бы так хотел петь, как птица!

- Ну и пой! Пой на здоровье! - хихикнула Гусеница. - Можешь даже летать! Самое подходящее занятие для пустозвона!

- А... ведь... когда-нибудь... и ты... будешь... летать, соседка... раздался чей-то медленный, скрипучий голос.

Гусеница так изумилась, что даже оглянулась.

Это говорила мудрая старая Улитка. К её словам нельзя было не прислушаться: все знали, что она старше всех на свете - ей было два, а то и три года - и она много повидала на своём веку.

- Это вы мне? - спросила Гусеница.

- Да... да... именно тебе... Когда-нибудь у тебя вырастут крылья, и ты... будешь... летать... почти... как...

Но Гусеница не дала ей договорить.

- Какая чушь! - крикнула она. - Я - летать? Нет уж, спасибо! Да ни за что на свете! Пусть этой чепухой занимаются птицы! Бессмысленные, пустоголовые твари!

- Ты бы... поосторожнее... о птицах... - проговорила Улитка, опасливо втянув рожки. - Ведь... они... могут... тебя съесть!

Тут Гусеница чуть не подавилась от возмущения.

- Съесть меня? - крикнула она. - Съесть меня? Меня никто не может съесть! Я волосатая и очень-очень противная на вкус! - с гордостью проговорила она, немного успокоившись. - Это видит всякий, у кого есть глаза! Да! Меня никто не может съесть! Есть - это моё дело!

И она было уже собралась заняться своим делом, как вдруг...

Как вдруг что-то огромное, страшное с шумом и свистом налетело на неё. Гусеница почувствовала, что её стиснули, подхватили и понесли высоко-высоко, в самое небо...

"Ну что ж, попила, поела - недаром жизнь прожила", - мелькнуло у Гусеницы в голове. Бедняжка решила, что пришла её смерть...

На самом деле это был Скворушка, совсем молоденький, желторотый: он даже не знал, что таких гусениц не едят, и был очень горд своей добычей.

- Мама, мама! Гляди, чего я нашёл! - крикнул он, усаживаясь на ветку перед скворечником, прибитым на очень высокой ёлке.

Из скворечника выглянула мама Скворчиха.

- Брось немедленно эту гадость! - строго сказала она. - Ох уж эти дети! Всякую дрянь тащат в рот! Брось сейчас же, а то у тебя живот заболит.

Скворушка, к счастью для себя - а особенно для Гусеницы! - был послушным ребёнком. Он немедленно выпустил Гусеницу из клюва, и она стремглав полетела вниз.

Но, надо отдать ей справедливость, она не потеряла головы: падая, она успела выпустить шелковинку, и чем длиннее становилась шелковинка, тем плавнее становилось падение. А вскоре шелковинка зацепилась за сучок. Гусеница ловко подтянулась и наконец, слегка помятая и очень испуганная, уселась на сучке и смогла перевести дух.

Чуть-чуть отдышавшись, она почувствовала сильный голод и огляделась в поисках своей любимой крапивы.

И она увидела...

Она увидела луг, и речку, и лес за рекой - весь мир, большой и широкий мир, в котором она родилась и выросла и которого никогда не замечала.

- Сколько крапивы! - вырвалось у неё. - Я и не знала, что на свете так много крапивы!

- Извините, вы что-то сказали? - спросил чей-то бас у неё над самым ухом (хотя ушей у неё, как вы помните, не было).

Гусеница вздрогнула и обернулась.

Возле неё сидел Жук, такой большой, что просто странно, как это она не заметила, когда он появился. Он был весь закован в блестящий тёмно-коричневый панцирь, а на голове у него торчала пара длинных, грозных рогов.

- Я сказала, как много крапивы, - объяснила она, против обыкновения, довольно вежливо: уж очень внушительный вид был у Жука.

- Крапивы? Где? - переспросил Жук удивлённо.

- Ну, всюду! - Гусеница повела головой.

Но Жук продолжал недоумевать.

- Если вы имеете в виду вот это, - показал он вперёд, - то это вовсе не крапива! Это речка!

- Да нет! Вон там, наверху!

- Наверху? - засмеялся Жук. - Это небо! Уверяю вас, там нет никакой крапивы!

- То-то, я смотрю, цвет какой-то странный, - согласилась Гусеница. - А вон там, впереди? Там всё зелёное - это, уж конечно, крапива!

- Да что вы, - удивился Жук, - это же лес! Лес!

- Это ещё что такое? - буркнула Гусеница. Ей стало уже неинтересно слушать.

Но Жуку, видно, понравилось объяснять.

- Лес - это замечательная вещь! - с воодушевлением продолжал он. - Это много-много деревьев, и кустов, и трав, и... и всего, чего душе угодно!..

- Значит, там-то есть крапива? - перебила его Гусеница.

- Ещё бы! - ответил Жук. - Крапивы там хоть отбавляй! Но что крапива! Там есть вещи гораздо повкусней! Например, ягоды! Земляника! Или листья на берёзах! Объедение! Куда лучше крапивы!

- Сомневаюсь, - сухо сказала Гусеница.

- Уверяю вас! - горячо продолжал Жук, - Хотите, полетим туда! И вы сами убедитесь!

Гусеница пробормотала что-то невнятное. Ей почему-то было стыдно признаться, что она не умеет летать.

Но Жук ничего не заметил. Он был занят: приподняв жёсткие блестящие надкрылья, он развернул пару чудесных прозрачных крыльев и загудел, накачиваясь воздухом, - так делают все жуки, готовясь в полёт.

- Полетели! - крикнул он наконец, и Гусеница осталась одна...

- Подумаешь, расхвастался, надутый! - обиженно сказала она. - У меня тоже будут крылья! Вот!

- Вы были правы, соседка, - сказала она Улитке, когда, после долгого и трудного путешествия по стволу ёлки, добралась наконец до родной крапивы и утолила первый голод (люди в таких случаях говорят "заморила червячка", но, конечно, Гусенице это выражение вряд ли бы понравилось).

- Права?.. Я всегда права... А ты... о чём, соседка? - спросила Улитка.

- Я поняла, что мне нужны крылья! Я очень рада, что они у меня будут! И поскорей бы! Ведь тогда я полечу и съем весь этот вкусный... как его... ага, лес!

Улитка только покачала головой. Зато Лесной Клоп, который с интересом прислушивался к их разговору, с довольным видом сказал:

- Не говорил ли я? Не говорил ли я, что, когда она повидает свет, у неё сильно расширится кругозор?

И Тли, хотя и не могли припомнить ничего подобного, разумеется, дружно с ним согласились, чтобы не волновать Клопа...

Гусеница их уже не слушала: она принялась грызть крапиву. Ведь теперь ей ещё больше хотелось вырасти и поскорее стать крылатой.

Но хотя грызла она свою крапиву с прежним аппетитом и крапивы было по-прежнему вдоволь, не всё оставалось по-прежнему.

Одуванчики давно отцвели и облетели; на лугу появились новые цветы; вскоре отцвели и они - ведь цветы живут так недолго.

Изменилась и сама Гусеница. Она очень выросла - и не мудрено, ведь на аппетит она никогда не могла пожаловаться! А главное, она стала совершать поступки, которых от неё никак нельзя было ожидать!

Порой, например, она переставала грызть крапиву, поднимала голову и озиралась, словно чего-то ждала. А иногда она даже всползала на самую верхушку куста и подолгу смотрела вдаль.

Конечно, она бы ни за что и никому - даже самой себе! - не призналась, что ей хочется снова увидеть небо, и речку, и луг, и лес...

Но вокруг ничего не было видно, кроме листьев крапивы - крапива тоже очень разрослась к этому времени! - и Гусеница спускалась вниз и со вздохом принималась грызть самый большой и сочный крапивный лист.

А однажды Гусенице приснился сон. Кто бы мог подумать! Да, да, самый настоящий сон!

...Она вдруг стала большая-пребольшая; кожа на спине у неё лопнула, приподнялась - точь-в-точь как у Жука! - развернулись два огромных перепончатых крыла, и она взлетела!

Вот она кружит над ёлкой - скворцы в ужасе прячутся в свой скворечник, а Гусенице и нет до них дела: мерно взмахивая могучими крыльями, она летит над лугом, над речкой - туда, к далёкой синеющей полосе леса.

Вот-вот она будет там... Остаётся всего несколько взмахов... Но тут с шумом и свистом налетает страшный вихрь... крылья обрываются... и она падает... падает... падает...

Она проснулась, вздрогнув, и от её резкого движения что-то полупрозрачное, лёгкое, как мушиное крыло, сорвалось с листа и, покачиваясь, медленно, плавно опустилось на землю. Её крыло!

Но нет, это была всего-навсего её старая шкурка. Гусеница так выросла, что уже не помещалась в ней, и шкурка лопнула и свалилась...

Так, значит, она просто-напросто перелиняла во сне? А крыльев у неё всё нет? Да и будут ли они когда-нибудь? Ведь время идёт и идёт...

Да, время шло и шло. И хотя лето было в самом разгаре, и солнце, казалось, грело сильнее прежнего, и на смену отцветшим цветам приходили всё новые - что-то ушло вместе с ушедшей весной.

Гусеница и сама не понимала, что ей чего-то не хватает, как однажды у неё вдруг вырвалось:

- Как жаль, что птицы больше не поют!

Она тут же испуганно оглянулась - не слышал ли кто её странных слов?

Слава богу, кажется, никто не слышал? Хотя почему Лесной Клоп так сердито на неё смотрит? И почему все Тли дружно захихикали тоненькими голосами?

Ну что ж, она заслужила насмешку! Подумать только, что она - она! могла сказать такую вещь!.. Нет, надо выкинуть все эти глупости из головы.

И в этот самый день прилетел откуда-то первый жёлтый лист.

А потом жёлтых листьев стало много-много, и они начали падать; всё чаще накрапывал дождь, ветер становился всё сильнее и холоднее, и даже солнце ничего не могло с этим поделать...

И наконец наступил роковой день: день, когда Гусеница почувствовала, что она больше не хочет - не может! - есть.

Да, да! Вялая, сонная сидела она на листе - на большом, сочном, аппетитном листе! - и, вместо того чтобы грызть его, вяло и сонно, словно от нечего делать, обматывала сама себя шелковинкой.

- Смотри-ка! - взволнованно сказал Лесной Клоп. - Наша соседка-то, видно, умирает! Перестала есть! Ну что ж, я всегда говорил ей, что фантазии до добра не доведут! Но кто в наши дни слушает разумные советы!

На этот раз Тли даже не поддакнули ему: они только ещё глубже уткнули носы в мякоть смородинного листа. Да и неудивительно: Клоп действительно очень разволновался!

А Гусенице было уже всё равно. "Может быть, я и правда умираю, - сонно подумала она. - Значит, у меня так и не будет крыльев... Ну что ж... хотя жаль... жаль..."

Кто знает, о чём она жалела...

Но она не умерла. Вяло и сонно, но упорно она продолжала до поздней ночи обматываться

шелковинкой.

А когда настало утро, Гусеницы на листе крапивы уже не было. Зато под листом, крепко-накрепко привязанный к толстому стеблю, висел плотный шелковистый кокон.

Так прочно был он устроен, так надёжно прикреплён, что ему были не страшны ни дожди поздней осени, ни снег, падавший вокруг, ни метели, завывавшие в голых ветках, ни морозы, от которых порой замертво падали голодные птички и трещали, лопаюсь, стволы деревьев.

Прошла зима; с сосулек закапали первые слезинки - сосулькам было жалко, что зима проходит; набухли почки на деревьях; на проталине выглянул первый подснежник - кокон всё висел и висел, неподвижный, застывший, словно неживой. Может быть, и правда там не было никого живого?

Но едва раскрылись одуванчики на лугу, с кокона слетела верхушка и какое-то странное существо неуклюже выползло наружу и уселось на сухом листе.

Боже, какое жалкое это было создание! Мокрое, беспомощное, всё измятое, и вдобавок на спине у него висели две сморщенные, тоже мокрые, тряпочки!

Но солнце, доброе весеннее солнце, для которого все равны, поглядело на него так же ласково, как на самый прекрасный цветок; и под его тёплым взглядом морщинистые лоскутки расправились, развернулись - и ослепительными красками засияла пара чудесных крыльев!

Да, никто бы не узнал в этой прелестной Бабочке нашу старую знакомую Гусеницу!

Да и кому было её узнавать? Ведь ни Кузнечика, ни Лесного Клопа, ни Тлей давно не было на свете...

И всё-таки кто-то её узнал.

- Ну, что... соседка? - прозвучал скрипучий медленный голос. - Вот... видишь... у тебя... теперь... есть крылья...

- Ах, здравствуйте, милая Улитка! - отвечала Бабочка. - Да, да, у меня теперь и правда есть крылья! Крылья!

- И ты... можешь... полететь... и сгрызть весь... лес... как ты... собиралась...

- Сгрызть? - удивлённо приподняла крылышки Бабочка - Что это значит сгрызть?

Улитка тихонько хихикнула.

- Ах, да! - вспомнила Бабочка. - Помню, помню! Но почему-то мне совсем не хочется грызть! Да и нечем, по правде говоря! - смущённо засмеялась она.

Она говорила правду: вместо зубастого рта у неё теперь был нежный, тоненький хоботок, пригодный разве для того, чтобы пить цветочный нектар.

- Без... еды... долго... не протянешь... - начала было Улитка, но Бабочка не дослушала её.

- У меня есть крылья! Крылья! - ликующе повторяла она. - Я могу лететь, куда хочу, и любоваться всем на свете! Ведь крылья... ведь для того и даются крылья, правда?

И Улитка - впервые на своём долгом веку - не знала, что сказать.

Она ещё обдумывала свой ответ, когда рядом с Бабочкой опустился на листик молоденький Мотылёк.

Он был горд и взволнован: ведь это был первый его полёт, и даже когда он сел на листик, крылышки его так и ходили!

- Полетим? - крикнул он, заметив Бабочку.

- Полетим! - радостно откликнулась она.

Оба вспорхнули и полетели туда, где на лугу пестрели цветы, где ослепительно блестела речка, где вдали синела зубчатая полоса леса, - оба юные, сами прелестные, как два цветка...

А Улитка всё думала...

Почему рыбы молчат

В старину рыбы любили поговорить, а Судак - так тот уж даже слишком. Добро бы он дело говорил, а то всё пустяки: то лясы точит, то ерунду мелет, то чепуху несёт, а бывало и того хуже: лишнее болтает.

И до того он как-то всем рыбам надоел, что ни одна с ним и разговаривать не желает: только разлетится он к какой-нибудь рыбе побеседовать, а она вильнёт хвостом - и поминай как звали!

Вот плавал он, плавал, молчал-молчал - до того намолчался, хоть топись!

А язык чешется смерть как!

Подплыл Судак с горя к берегу. Думает: нет ли хоть там кого, с кем бы посудачить.

Высунул нос из воды, смотрит - верно, сидит на берегу кто-то мохнатенький, четыре лапки, пятый - хвост.

- Эй ты, Мохнатенький, - говорит Судак. - Ты кто будешь? Рыба?

- Да что ты, - говорит Мохнатенький, - какая же я рыба! Я зверь Выдра.

- Вот и я думаю, что не рыба, - говорит Судак. - Что рыбе на сухом месте делать? Дура она, что ли?

Сказал - и тут же язык прикусил.

Но Выдра - ничего, не обиделась, только облизнулась.

- Почему же это сразу - дура? - спрашивает. - Разве на бережку плохо?

- Ещё бы не плохо, - говорит Судак. - Совсем жить нельзя!

- А в воде, выходит, можно?

- В воде-то? Сравнила тоже! В воде знай плавай в своё удовольствие!

- А если я плавать не умею?

- Плавать не умеешь? - удивился Судак. - Вот смехота! Да ведь это проще всего - плавать! Войди в воду - сразу и поплывёшь!

- А не утону?

Судак со смеху чуть не захлебнулся. Даже пузыри пустил.

- Да что ты, - говорит, - кто же это в воде тонет? Мы вот, рыбы, всю жизнь в воде живём, и ни одна, слава богу, не утонула!

Вошла Выдра в воду осторожно-осторожно: сперва по грудку, потом по шейку... поплыла, поплыла... да вдруг как кинется на судака!

Еле-еле он от неё ушёл, только из хвоста она ему серёдку вырвала: был хвост лопатой, а стал уголками.

"Ой-ой-ой, - думает Судак, - ни за что не буду с незнакомыми разговаривать, особенно со зверями! Ты им - слово, а они - за хвост! Ишь звери!"

Сказать сказал, а язык-то всё чешется! Поплавал немного - в другом месте к берегу подплыл. Опять нос высунул.

Смотрит - на большом камне Незнакомка сидит, вся в перьях, беленькая, хорошенькая, а сама плачет жалостно-прежалостно: "Чаю! Чаю!"

Жалко её стало Судаку.

- Эй ты, - говорит, - беленькая, хорошенькая! Ты не зверь?

- Да что ты, - говорит Незнакомка, - я, чай, птица! Чай, знаешь, Чайка я!

- А чего же ты плачешь?

- Отчего плачу? Есть хочу, оттого и плачу!

- Есть хочешь? - удивился Судак. - Так зачем плакать? Возьми да поешь!

- Хорошо тебе советы давать! - говорит Чайка. - Я, чай, это и сама знаю! А что взять-то? Взять-то нечего, кроме песка да гальки!

Судак ну хохотать!

- Ох, уморила ты меня, - говорит наконец. - Еды сколько хочешь, а она говорит - есть нечего!

- Где?

- Да у нас в воде! И ракушки вкусные, и червяки, и раки ничего себе, а вкуснее всего... - Тут запнулся было Судакишка, да язык у него сам собой выговорил: - ...вкуснее всего - кой-какие рыбёшки!

И только у него эти слова вырвались - Чайка как взлетит, как ухватит его за спину, за самую середину!

Ну, Судак - он тоже не промах - кой-как извернулся, ушёл. Только плавник спинной ему Чайка

изорвала - он у Судаков и по сие время неровный.

Уплыл Судак в море, на глубокое место. Еле-еле отдышался. Сам себя ругает ругательно!

"Так мне, Судаку-дураку, и нужно, - думает. - Ведь знал же, что не годится с незнакомыми разговаривать! Ну уж теперь хоть режьте меня - ни за что не буду! Зарок даю! Ни со зверями, ни с птицами! И к берегу не подплыву! Пусть у меня плавники отсохнут!"

И долго крепился, терпел. Целый день почти. Только уж к вечеру душа не вынесла - опять к берегу подобрался.

"Хоть одним глазком погляжу, - думает, - а говорить - ни-ни!"

Смотрит: что за чудо такое? Сидит на берегу Незнакомец, а кто он - и не понять! Вроде бы птица: нос птичий и посвистывает, да перьев нет! Вроде бы и зверь - да нет: на двух ногах и шерсти мало! Сидит, вечернюю зорьку встречает.

Глядел, глядел на него Судак, а заговорить боится: плавник-то ещё саднит.

А Незнакомец заметил Судака и говорит:

- Добрый вечер!

Судак молчит.

- Что же ты не отвечаешь? - говорит Незнакомец. - Невежливо, брат.

Молчит Судак.

- А-а, ты, наверно, говорить не умеешь, - догадался Незнакомец. Верно, верно, рыбы ведь говорить не умеют! Забыл я, извини!

Обидно стало Судачишке. До того обидно - мочи нет!

- Это мы-то не умеем? - выпалил. - Да мы, если хочешь знать, ого-го-го как умеем! Ещё и тебя научим!

- Да ну? - удивился Незнакомец. - Так что ж ты раньше-то молчал?

- А потому молчал, что я зарок дал - ни со зверями, ни с птицами не разговаривать, а то больно кусаться любят! Ты-то сам что за птица?

- Что ты, - говорит Незнакомец, - какая я тебе птица!

- Тогда, выходит, зверь?

- И не зверь я... Я, как бы тебе понятней объяснить... Человек я.

- Челове-ек? - повторил Судак. - Первый раз слышу! Ну, если Человек тогда ничего.

- Вот и я думаю - ничего, - говорит Незнакомец. - А тебя-то как звать?

- Судак.

- Ну, вот и познакомились, - говорит Человек. - Можем и побеседовать с тобой, пока я снасть

налажу.

А сам на палку нитку привязывает.

- И для чего же такая снасть? - спрашивает Судак.

- Это я, - отвечает Человек, - врать тебе не стану - рыбки надумал наловить.

А Судак - от большого ума - как захочет!

- Ры-ы-ыбки? - говорит. - Да как же это ты палкой рыбку ловить будешь?

- Там видно будет, - говорит Человек, а сам на нитку тоже что-то привязал - загогулилку какую-то.

- Хотя верно, - говорит Судак, - у нас в море-океане такая дура-рыба есть, что и на палку клюнет! Не поверишь, какая дура! Камни - и то хватает! Но, - говорит, - если хорошую рыбу хочешь подманить, ты ей...

И пошёл, и пошёл выкладывать: что какая рыба ест, да что особо любит, где ходит, да когда спит, да когда кормится.

Всё выложил. Болтал, болтал - даже самому есть захотелось.

И вдруг видит: перед самым его носом червячок в воде вьётся-извивается, аппетитный, толстый, словно говорит: "Съешь меня!"

Судак его и хамкнул.

Да только проглотить не успел - оказался на крючке.

- Ну, - говорит Человек, - что же мы с тобой делать будем? Уху варить?

А Судак от страха и "мама" сказать не может. Замер.

Жалко стало его Человеку.

- Так и быть, - говорит, - отпущу тебя для первого знакомства. Но, гляди, в другой раз не попадайся!

Снял он Судачишку с крючка и в воду бросил.

Судак как припустится - и "спасибо" не сказал! Обеспамятел от радости, видно.

Но только с этого самого дня стало рыбы в реках-морях заметно убавляться.

И собрались однажды все рыбы на совет.

- В чём, - говорят, - причина? То нас ни зверь, ни птица, ни человек не трогали, а теперь таскают не судом! Признавайся, кто их научил!

Пришлось Судачишке каяться.

- Так и так, - говорит, - я, дурак, проболтался! Делайте со мной что хотите - я всему виной!

Хотели было рыбы его за это смерти предать, да, спасибо, Камбала умнее её рыбы на свете нет - отговорила.

- Этим, - говорит, - горю всё равно не поможешь. И Судак у нас теперь учёный - будет молчать! Вот лучше-ка давайте и мы все вперёд будем язык за зубами держать, чтобы ни люди, ни птицы, ни звери больше никаких наших рыбьих хитростей не узнали.

Так и порешили.

С тех-то самых пор все рыбы воды в рот набрали и ни с людьми, ни со зверями, ни с птицами не разговаривают.

Говорят только между собой.

И то - тихо-тихо.

Ма-Тари-Кари

Жил-был Крокодил.

Нет, нет, это был совсем не тот известный Крокодил, который

ПО НЕВСКОМУ ХОДИЛ!

ведь тот Крокодил, как ты, конечно, знаешь, жил да был, а этот просто жил-был. Это большая разница!

К тому же этот Крокодил ходил мало (он чаще плавал), не курил никаких папирос (и правильно делал, это очень вредно!) и говорил только по-крокодильски.

Словом, это был самый настоящий Крокодил, и жил он в самой настоящей Африке, в большой реке, и, как полагается настоящему Крокодилу, всё у него было страшное: страшный хвост и страшная голова, страшная пасть и **ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ!** (Только лапки у него были коротенькие, но Крокодил считал, что они **СТРАШНО** коротенькие.)

А самое страшное: он никогда не чистил своих **ОЧЕНЬ СТРАШНЫХ ЗУБОВ**: ни перед едой, ни после еды (аппетит у него тоже был **СТРАШНЫЙ!**), ни утром, перед завтраком, ни вечером, умываясь перед сном... (Умываться он, что правда, то правда, никогда не забывал, но когда живёшь в реке, это не такая уж большая заслуга, верно?)

И неудивительно, что в один прекрасный день (так уж говорится, хотя для Крокодила, поверь, этот день вовсе не был прекрасным!), неудивительно, что в один прекрасный день у Крокодила заболели зубы.

Да ещё как! **СТРАШНО!**

Заболел-то, правду сказать, только один зуб, но Крокодилу казалось, что болят все зубы сразу. Потому что в зубе и кололо, и ныло, и словно буравом сверлило, и вдобавок стреляло!

Крокодил прямо-таки не находил себе места!

Он кидался в воду и нырял на самое дно, надеясь, что от прохладной воды ему станет полегче, и сначала ему как будто становилось легче, но потом зуб начинал ныть вдвое сильнее!

Он как бешеный выскакивал на берег, на горячий песок, в надежде, что ему поможет тепло, и в первую минуту ему как будто помогало, но потом!..

Он стонал, он кряхтел, он хныкал (некоторые считают, что всё это помогает), но ему только делалось всё хуже, хуже и хуже!

А хуже всего было то, что некому было его пожалеть: ведь он был СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ, и характер у него тоже был СТРАШНЫЙ, и он многих обидел на своём веку, и никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не сказал ни одного ДОБРОГО СЛОВА!

Звери и птицы, правда, сбежались со всех сторон, но они стояли поодаль и только удивлялись, глядя, что вытворяет Крокодил. А удивляться было чему, потому что Крокодил и вертелся, и метался, и стучался головой о прибрежные скалы, и даже пробовал попрыгать на одной ножке. Но всё это ему ни капельки не помогало!

И вдобавок лапки у него были такие коротенькие, что он никак не мог даже поковырять в зубах (хотя, если бы и мог, это бы ему мало помогло!).

И наконец бедный Крокодил в отчаянии растянулся под большим-пребольшим бананом (под маленьким он бы не поместился) и заревел в голос.

- Ой-ой-ой! - плакал он басом. - Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Бедный я Крокодил!

Вот поднялось веселье!

Звери и птицы хохотали и прыгали от радости; одни кричали: "Так тебе и надо!" - другие: "Ага, попался!"

Мартышки даже швыряли в него камешками и песком, а особенно веселились птицы - ведь у них-то не было никаких зубов!

Тут Крокодилу стало так больно и обидно, что из его глаз покатились слезы - СТРАШНО большие слезы!

- Глядите! Крокодиловы слезы! - крикнул пёстрый Попугай и расхохотался первым.

За ним засмеялись те, кто знал, что означают эти слова, а там и все остальные, и вскоре поднялся такой шум и хохот, что маленькая птичка Тари хорошенькая беленькая птичка, ростом побольше голубя и поменьше пигалицы прилетела посмотреть, в чём дело.

А узнав, в чём дело, она очень рассердилась.

- Как вам не стыдно! - крикнула она своим звонким голосом.

И все сразу замолчали, и стало слышно, как стонет Крокодил:

- Ой-ой-ой! Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Как больно!

- А почему это нам должно быть стыдно? - спросила какая-то Мартышка.

- Стыдно смеяться над бедным Крокодилом! - ответила птичка Тари. - Ведь у него болят зубы! Ему больно!

- Можно подумать, ты знаешь, что такое зубы! - фыркнула Мартышка и скорчила рожу.

- Зато я хорошо знаю, что значит - "больно"! - сказала птичка Тари. - И знаю, что если тебе больно, а над тобой смеются - тебе вдвое больнее! Вы видите - Крокодил плачет!

- Крокодиловыми слезами! - повторил Попугай и засмеялся. Но никто его не поддержал.

- Попугай ты! - с презрением сказала птичка Тари. - Говоришь, а сам не понимаешь, что говоришь! Никакие это не крокодиловы слезы!

- Как же так? Ведь плачет-то Крокодил? - удивился Попугай.

- Эх, ты! - сказала птичка Тари. - Зубы-то у него по-настоящему болят, верно? Значит, и слезы настоящие! Самые настоящие горькие слезы!

- Ещё бы не настоящие! - сказал Крокодил страшным басом и вдруг перестал плакать. - Ой! - продолжал он с изумлением. - Мне кажется... что мне, кажется, стало легче... Нет! Ой-ой-ой! Мне это только кажется!

И он заплакал ещё громче.

- Всё равно мне его не жалко, - заявила Мартышка. - Он сам виноват: почему он никогда не чистит зубы? Брал бы с нас пример!

И она тут же принялась чистить зубы шершавой веточкой дерева Мьсваки это она собезьянничала у людей.

- Да ведь я же, - простонал Крокодил, - я же не знал, что их надо чистить!..

- А если бы ты знал, ты бы чистил? - спросила птичка Тари.

- Если бы знал? Конечно, НЕТ! - прохныкал Крокодил. - Как я могу чистить зубы, когда у меня такие СТРАШНО коротенькие лапки?

- Ну, а если бы ты мог, ты бы чистил? - настаивала птичка Тари.

- Ещё бы! - сказал Крокодил. - Ведь я чистоплотный Крокодил и каждый день умываюсь. Хотя это не такая уж большая заслуга. Для того, кто живёт в реке, - скромно прибавил он.

И тут птичка Тари, маленькая, белая с чёрным птичка, ростом чуть побольше голубя и чуть поменьше пигалицы, сделала такую удивительную вещь, что все ахнули. Она смело подлетела прямо к страшной пасти Крокодила, к самому его носу, и скомандовала:

- Открой рот!

Крокодил послушно открыл пасть, и все снова ахнули и отступили на шаг (не меньше!), потому что пасть у Крокодила была (ты не забыл?) СТРАШНАЯ, а в ней торчали ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ.

Но все ахнули гораздо громче (а многие даже зажмурились!), когда птичка Тари вскочила прямёхонько в крокодилью пасть!

- Смотри не вздумай закрыть рот, а то у нас ничего не получится! сказала она, и Крокодил, разинув пасть ещё шире, ответил:

- О-Э-О! - что должно было означать: "Конечно!" (Попробуй сам сказать "конечно" с открытым

ртом, только ни в коем случае не закрывай его, а то у тебя ничего не получится...)

- Какой ужас! - крикнула птичка Тари спустя полминуты. - Просто страшно, что тут творится! Это не пасть, а какое-то... - Птичка запнулась, она хотела сказать "болото", но побоялась обидеть Крокодила. - Чего тут только нет! - продолжала она. - Даже пиявки! И чёрные, и зелёные, и с красными полосками! Да, самое время было почистить тебе зубы!

Крокодил, услышав про пиявок, только тяжело вздохнул.

- Ну ничего, ничего, - продолжала птичка Тари, - сейчас мы всё приведём в порядок!

И птичка Тари принялась за дело.

- Ну вот и он - больной зуб! - вскоре крикнула она весело. - Сейчас мы его выдернем! Раз... два... три! Готово!

Крокодил ойкнул.

Птичка тоже.

- Ой! - сказала она. - Ой, а под ним-то, оказывается, новый растёт! Как интересно!

- У нас так всегда бывает! - похвалился Крокодил (кстати, это сушая правда), но так как он ни на секунду не забывал, что пасть закрывать нельзя, то получилось у него только: У-А-А-Э-А-Ы-А-Э!

И не все поняли, что он хотел сказать.

Через пять минут всё было готово.

Звери и птицы были до крайности изумлены, увидев, что птичка Тари выпорхнула из крокодильей пасти целой и невредимой, и казалось, сильнее удивиться они не могли, но всё-таки им пришлось удивиться ещё больше, потому что первые слова, которые произнёс Крокодил, закрыв наконец пасть, были такие:

- Большое-большое спасибо тебе, добрая птичка! Мне гораздо, гораздо, гораздо легче!

И тут все звери и птицы сами разинули рты, словно хотели, чтобы птичка Тари тоже почистила им зубы. Но это, конечно, не так (тем более что у птиц, как ты знаешь, нет никаких зубов!). Просто они удивились до самой, самой последней крайности потому, что **НАСТОЯЩИЙ СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ СКАЗАЛ НАСТОЯЩЕЕ ДОБРОЕ СЛОВО!**

- Какие пустяки, - скромно сказала птичка Тари. - Не стоит благодарности, тем более что пиявки были - первый сорт! Особенно эти, в красную полосочку! Если хочешь, я буду каждый день тебе чистить зубы!

- Ещё бы не хочу!.. - сказал Крокодил.

- Договорились! - сказала птичка Тари, и мартышки вдруг захлопали в ладоши, все другие звери запрыгали и затопали копытами, а птицы запели свои самые весёлые песни, сами не зная почему...

И вот с этого-то самого дня птичку Тари называют Ма-Тари-Кари, что на крокодильем языке означает: "Маленькая птичка, которая делает большие добрые дела"...

И если тебе очень повезёт и ты поедешь в Африку, ты сможешь своими глазами увидеть, как Ма-Тари-Кари чистит зубы Крокодилу и предупреждает его об опасности (ведь иногда и Крокодилу грозит опасность!).

Некоторые, правда, зовут её за это Крокодиловым Сторожем, а то и Крокодилей Зубочисткой, но Ма-Тари-Кари не обижается: она говорит, что, с тех пор как они подружились, характер у Крокодила стал уже не такой СТРАШНЫЙ.

Что ж, это вполне возможно.

Отшельник и Роза

I

В Синем море жил-был маленький Рак. И жилось ему очень плохо, так плохо, что он никак не мог понять, почему море называют Синим - ему-то оно казалось совсем, совсем серым...

Да, это было очень странно!

Ведь море было действительно синее-синее, и жить в нём было так весело и интересно! Рыбы (это только раньше люди думали, что они не умеют говорить!) даже сложили весёлую песню о том, как хорошо живётся в море:

Никто и нигде!
Никто и нигде!
Не жил веселее,
Чем рыбы в воде!
Ни люди,
Ни звери,
Ни птицы,
Ни змеи
Никто и нигде не живёт веселее!
Да, никто и нигде!
Нет, никто и нигде
Не жил веселее, чем рыбы в воде!

и распевали её с утра до ночи. Морские Звёзды так и сияли, мудрые Дельфины и те резвились как дети, а бедный Рак сидел, забившись в какую-нибудь щёлку, и горевал.

А ведь у него было всё, что полагается настоящему раку для полного счастья: десять ног и вытаращенные глаза, длинные-предлинные усы и могучие клешни. Вот только панциря у него не было - тельце было совсем мягкое... Может быть, потому-то все, у кого такой панцирь был, да и многие другие, обижали его, щипали, кусали, а то и старались съесть...

И он пел грустную-прегрустную песню:

Ах, много места в море,
И много в нём воды,
Но в нём не меньше горя,
Не меньше в нём беды!

- Всё горе в том, что тебе не хватает твёрдости, - сказал ему как-то его дальний родственник

дядя Краб, который всегда ходит боком. - В наше время нельзя быть таким мягкотелым!

И в доказательство он сильно ущипнул бедного Рака.

- Ой! - крикнул Рак. - Больно!

- Это для твоей же пользы, - сказал дядя Краб, очень довольный. - Моё дело, конечно, сторона, но на твоём месте я попытался бы обзавестись каким-нибудь приличным панцирем.

И он поскорее - бочком-бочком - убрался в сторону. Ведь клешни у Отшельника были как у настоящего рака и даже, пожалуй, покрепче...

Да, я и забыл тебе сказать, что рака прозвали Отшельником, как раз потому что он, как ты знаешь, вечно прятался то в пещеры, то в норки, то под камушки, чтобы его поменьше щипали.

Первый назвал его Отшельником Морской Конёк - он известный насмешник, а Рыбы-Попугаи (есть и такие!) подхватили его слова, и скоро во всём Синем море да и на суше никто иначе и не называл нашего рака, как Рак-Отшельник.

"Ну что ж, - подумал Отшельник, когда боль немного успокоилась, - щипок был неплох, но ведь и совет, пожалуй, тоже! Пожалуй, мне действительно стоит об этом хорошенько подумать".

Как видишь, Отшельник умел не только горевать, но и думать, а это значит, что он был очень, очень умный рак!

А кругом валялось много множество раковин. И вот, хорошенько подумав, он решил так: "Самое подходящее место для рака - это, конечно, раковина; а самый подходящий жилец для раковины - это, конечно, рак. И когда рак залезет в раковину, его уже никто не ущипнёт, или я ничего не понимаю ни в тех, ни в других!"

И вот он постучал в первую попавшуюся раковину и попытался объяснить всё это её хозяину, но оттуда выглянул сердитый Моллюск и, не дослушав его, сказал:

- Глупости! Я занят! - и крепко-накрепко захлопнул створки своей раковины.

- Самое подходящее место для рака - это раковина, - продолжал Отшельник, постучав во вторую раковину, но оттуда тоже выглянул сердитый-пресердитый Моллюск и сказал:

- Глупости!

И тоже захлопнул створку у него перед носом (хотя носов у раков, как ты знаешь, не бывает).

А когда он постучал в третью раковину, оттуда уже никто не выглянул, потому что там никого и не было, и - о радость! - это оказалась как раз подходящая раковина: не слишком большая и не слишком маленькая - ну, просто в самый раз!

"Да, мы прямо созданы друг для друга, - подумал Отшельник, засунув своё мягкое тельце в раковину. - Чего же лучше! Теперь меня не ущипнёшь!"

И он даже не обиделся, когда вертевшийся неподалёку Морской Конёк тоненько заржал (а это означало, что он собирается сострить) и сказал:

- Иги-ги-ги! Наш Отшельник совсем ушёл в свою раковину!

И Рыбы-Попугаи, которые, по правде говоря, ничего в этой шутке не поняли, подхватили и понесли её по всему Синему морю...

Ну что ж, когда у тебя есть всё, что нужно для полного счастья, можно стерпеть и шутку. Верно?

II

Но странное дело! Хотя никто (даже дядя Краб), никто не мог больше ни ущипнуть, ни укусить нашего Отшельника (даже для его же пользы), ему, видно, всё-таки чего-то не хватало для полного счастья... Иначе почему бы море по-прежнему казалось ему совсем, совсем серым? И почему бы он продолжал петь свою грустную песню:

Ах, много в море места,
Но не найти никак
Нигде такого места,
Где был бы счастлив Рак!..

Однажды он, не удержавшись, сказал проплывавшей неподалёку Летучей Рыбке:

- Как странно жить в Сером море! Я слышал, что есть на свете Белое море, и Чёрное, и Желтое, и даже Красное, но никто и никогда не слышал про Серое море...

- Серое! - засмеялась Летучая Рыбка. - Какое же оно серое? Оно лазурное, бирюзовое, изумрудное, голубое, васильковое! Оно синее-пресинее! Самое синее на свете!

И она поспешила вслед за своими подружками, которые выпорхнули на поверхность, чтобы ещё раз полюбоваться синими волнами с белыми гребешками.

- Кого ни спросишь, все говорят: "синее". Странно! - пробормотал про себя Отшельник. - Почему же только я один этого не вижу? Только я один!

- Именно поэтому, - неожиданно раздался чей-то голос, и Отшельник, вздрогнув, на мгновение спрятался в свою раковину.

А выглянув оттуда, он увидел... - кого бы ты думал? - самого доброго, самого мудрого из всех морских волшебников. Да, да, ты не ошибся: это был Дельфин.

- Именно потому, что ты один! - сказал Дельфин. - Найди себе друга - и тогда ты увидишь! Желаю удачи, и подумай над моими словами!

И Дельфин (как и все волшебники, он любил говорить загадками) вильнул хвостом и поплыл по своим делам.

А Отшельник (как ты помнишь, он умел не только грустить, но и думать) стал думать...

И он подумал:

"Дельфин сказал: "Именно потому, что ты один". Ну конечно, когда я найду друга, я буду уже не один... А что же я увижу?.. Ну конечно, я увижу, что море станет синим... И наверно, тогда уже всё-всё будет совсем хорошо! Значит, надо искать себе друга. Горе в том, что я не знаю, кто такие эти друзья, и где они живут, и как выглядят... Ну что ж, когда я найду настоящего друга, я это сразу узнаю, потому что ведь море станет синим-синим!"

С этими словами Отшельник отправился искать себе друга, и, говоря по правде, тут-то наша сказка и началась!

III

А я должен сказать тебе, что найти настоящего друга не так-то легко, даже на дне морском. Особенно если ты не знаешь, как он выглядит...

Отшельник побывал и на отмелях, и в глубинах, и он повидал множество диковинных существ, созданий и даже чудищ, но друга между ними он не нашёл.

На отмели он встретил Ската и спросил его, не друг ли он. И Скат, который целый день лежит на дне и подстерегает зазевавшихся рыбёшек, сказал ему:

- О, конечно, конечно, я друг тебе! Иди скорее ко мне, и мы никогда не расстанемся! - и открыл чудовищную пасть...

К счастью, наш Отшельник, как ты хорошо знаешь, был очень умный, он понял, что Скат ищет не друга, а добычу, и поскорее поплыл прочь, а разочарованный Скат замурлыкал про себя страшную песню:

Куда спешить на дне морском?
Тут можно двигаться ползком.
Друзья, умерьте вашу прыть:
Ползти спокойнее, чем плыть...

Он был по-своему прав, потому что Скату гораздо легче ловить ту добычу, которая ползает, чем ту, которая плавает...

В глубине моря, где царит вечная тьма, Отшельник увидел какую-то светлую точку, и он, обрадованный, поплыл к ней, и это оказалась глубоководная рыба с таким трудным названием, что она и сама его не знает. И, увидев Отшельника, она стала манить его своей светящейся удочкой, и плохо бы ему пришлось, если бы он соблазнился приманкой, потому что пасть у этой рыбы была не меньше, чем у Ската...

Он познакомился с Голотурией и попытался заговорить с ней, но трусливая Голотурия с испугу вывернулась наизнанку и выстрелила в него собственными внутренностями, потому что она приняла Отшельника за врага, а Голотурии всегда так откупаются от врагов...

Он пытался подружиться с красивой Медузой, но она оказалась совсем глупой, да вдобавок ядовитой, и он едва успел вернуться от её ядовитых щупалец.

Словом, сколько он ни искал, он ничего не нашёл: одни боялись его, другие смеялись над ним, а третьи старались его съесть, и, уж конечно, ни тех, ни других, ни третьих нельзя считать настоящими друзьями!

И наконец, очень усталый и очень-очень грустный, он присел отдохнуть и сказал:

- Вот я обошёл всё дно морское и нигде не нашёл друга. И море по-прежнему серое. Наверное, для меня оно всегда будет серым. Ах, если бы я мог, я бы утопился!..

IV

И тут он услышал, как кто-то с тяжёлым вздохом, словно эхо, повторил его слова:

- Ах, если бы я могла, я бы утопилась...

Отшельник оглянулся (вернее, просто повёл по сторонам глазами - ведь они у него, как ты помнишь, на стебельках) и никого не увидел. Никого, кроме Розы, Морской Розы. Но ведь Морские Розы (учёные люди называют их Актиниями), хотя они и не цветы, вздыхать не могут!

Но вздох повторился, а потом послышалось всхлипывание. А ведь кругом никого не было, кроме Розы, Морской Розы.

- Это ты плачешь? - удивлённо спросил Отшельник.

Он чуть было не прибавил: "А разве ты умеешь?" - но вовремя удержался.

Роза ничего не ответила, но так как она заплакала ещё громче, то ответа, в сущности, и не требовалось.

- А почему ты плачешь? Тебя кто-нибудь обидел? - спросил Отшельник (ведь не только тело, но и сердце у него было мягкое).

- Никто не смеет меня обидеть! - сказала Роза. - Никто во всём море не смеет ко мне прикоснуться!

И она гордо выпрямилась и даже перестала плакать.

- Тогда почему же ты плачешь? - спросил её Отшельник так ласково, что Роза тоже смягчилась и ответила ему:

- Мне просто грустно. А грустно мне потому, что это море такое серое, серое! Вот если бы я нашла друга, всё было бы по-другому. Но ведь я не умею ходить, и всё, что мне остаётся, - это стоять здесь и горевать...

Отшельник хотел сказать ей, что он обошёл всё дно морское и нигде не нашёл друга, но ему стало жалко огорчать бедную Розу, тем более что она была такая красивая.

И он сказал ей:

- Я как раз тоже хожу по дну морскому и ищу друга. Если хочешь, пойдём вместе, и, может быть, если нам очень, очень повезёт, каждый найдёт себе друга, и тогда море станет синим, и мы совсем не будем грустить.

- Да ведь я же не умею ходить, - сказала Роза, и лепестки её грустно поникли.

- Ну, это горе небольшое, - сказал добрый Отшельник. - Если ты хочешь, я могу тебя понести! Мне это будет только приятно!

Розе было страшновато сниматься с насиженного места, хоть ей и плохо там жилось... Так всегда бывает!

Но Отшельник говорил с ней так ласково и показался ей таким добрым, что она согласилась.

И вот Отшельник помог ей сойти с камня и сесть к нему на раковину, и они тронулись в путь!

Ох, как закружилась у Розы голова - ведь она прежде не знала, что значит двигаться, и ей показалось, что всё несётся вокруг неё бешеным хороводом: и камни, и водоросли, и приросшие ко дну устрицы, и морские ежи. Она даже побледнела, но из гордости не издала ни звука - да, она была очень, очень гордая!

А через несколько минут она привыкла (тем более что Отшельник, сказать по совести, шёл не так уж быстро) и начала громко восторгаться всем, что видела вокруг.

- Ах, как хорошо! - восхищалась она. - Как легко дышать, когда не стоишь на месте! Ой, какие пёстрые рыбки! Как их зовут? А кто это так сияет? Морские Звёзды, вот как! Не думала, что они такие красивые! А это что? А это кто? Ох, как хорошо путешествовать!..

И Отшельник едва успевал отвечать на её вопросы. Он, правда, много раз видел всё, чем она так восхищалась, но (ведь он был очень добрый) думал про себя: "Пусть радуется, бедная! Скоро ей всё это надоест, так же как и мне... По правде говоря, мне очень приятно слышать, как она радуется! Интересно, если бы я нашёл друга, мы радовались бы с ним вместе или нет?"

И он задумался о том, как грустно, что ему никогда, никогда не найти друга; и вдруг Роза, которая уже с минуту как замолчала, спросила, как будто угадав его мысли:

- А когда же мы пойдём искать друзей?

И тут Отшельник не удержался и рассказал ей всю правду; как он искал друга по всему дну морскому и видел существа, создания и даже чудища, но друга не нашёл нигде...

- Может быть, никаких друзей вовсе не бывает на свете, - сказал он грустно, - и лучше их и не искать?

V

- Неправда! - сказала Роза. - Друзья на свете бывают, я уверена, а не нашёл ты их только потому, что не знал, где их искать.

- А ты знаешь? - спросил Отшельник.

- Я знаю! Настоящие друзья живут в Алом городе. Они построили его сами и живут там и дружат, и для них море всегда, всегда синее! И знаешь, говорят, что эти друзья - мои сестры или братья, или вообще какие-то родственники, так что мы должны пойти к ним, и они нам очень обрадуются!

- А они не будут щипать нас... для нашей же пользы? - спросил Отшельник, который при слове "родственники" вспомнил дядю Краба.

- Надеюсь, что нет, - сказала Роза гордо, - ведь я говорила тебе, что никто не смеет прикоснуться ко мне! Если я этого не захочу, - добавила она, вспомнив, что ведь Отшельник прикоснулся к ней, когда помогал ей взобраться на раковину.

Отшельник хотел сказать, что его это очень утешает, хотя его самого, увы, щипали много раз, но не успел, потому что в эту минуту перед ними появился дядя Краб собственной персоной.

- Доброе утро, племянничек, - бросил он небрежно и хотел было пройти боком по своим делам

(у крабов всегда множество дел), но тут он заметил Розу и от удивления выпучил глаза. - А это ещё что такое? - спросил он и махнул своей толстой клешней в сторону Розы.

Нельзя сказать, что он был слишком хорошо воспитан!

- Это не что, а кто! Это Роза, - объяснил Отшельник. - Мы с ней идём к Алому городу искать друзей!

Дядя Краб удивился ещё больше - глаза у него на длинных-длинных стебельках совсем вылезли.

- Моё дело, конечно, сторона, - сказал он, - но всё-таки я должен тебе кое-что сказать. Во-первых, Алый город находится за семью морями, так что ты туда не дойдёшь! Во-вторых, по-настоящему он называется не Алый город, а как-то иначе, так что ты его не найдёшь! В-третьих, там тоже нет никаких друзей, так что ты зря его ищешь! Словом, ты собираешься совершить глупый поступок! А ещё глупее - таскать с собой такую обузу. - И он снова показал на Розу своей толстой клешней.

Роза побледнела от обиды, и лепестки её сжались.

И тут дяде Крабу пришлось удивиться ещё больше, потому что Отшельник (ведь ты не забыл, что он был очень добрый) впервые в жизни рассердился.

- Не смей обижать Розу! - крикнул он и бросился на дядю Краба.

Дядя Краб едва успел увернуться. Но всё-таки успел.

- Моё дело, конечно, сторона, - крикнул он, отбежав бочком-бочком на почтительное расстояние, - но в одном из семи морей ты обязательно встретишь Госпожу К., и она покажет тебе, где раки зимуют! От души желаю тебе этого, дерзкий мальчишка! Для твоей же пользы!

Отшельнику стало страшно - ведь никто не любит, когда ему показывают, где раки зимуют, а раки - особенно. Кроме того, он хорошо знал, кто такая Госпожа К. И он невольно замедлил шаги...

- Ты боишься? - мягко спросила его Роза. - Скажи откровенно! Ты боишься этой Госпожи К.? Не бойся! Ведь я с тобой!

Как ни страшно было Отшельнику, он едва не засмеялся.

Ведь Госпожа К. - так все раки и крабы называют самого страшного своего врага, такого страшного, что они даже не решаются произнести его полное имя. Своими страшными щупальцами она хватает самого сильного краба - и он становится беспомощным, как младенец; своим страшным клювом она раскусывает самый прочный панцирь, как яичную скорлупу...

Что может сделать, чем может ему помочь бедная маленькая Роза, если они встретят Госпожу К.?

Но он не засмеялся - ведь он не хотел обидеть Розу.

- Чему быть, того не миновать, - сказал он храбро. - Но всё-таки... всё-таки будем надеяться, что мы её не встретим!

- А если мы её встретим, мы сами покажем ей, где раки зимуют, - сказала Роза, и тут

Отшельник расхохотался и с удивлением почувствовал, что ему уже почти совсем-совсем не страшно!

И они пошли дальше.

VI

Да, это было долгое путешествие, куда длиннее его первого путешествия по дну морскому! Они прошли Первое море, и Второе море, и Третье море, а это гораздо скорее сказать, чем сделать. Но вот что удивительно: этот долгий, долгий путь показался Отшельнику гораздо короче.

Может быть, потому, что по дороге они делились всем: и каждой крошкой еды, и всеми радостями, и горестями - и весело болтали обо всём, что они видели в пути?

Они шли, и шли, и шли, и, когда они пришли в Четвёртое море, Отшельник вдруг почувствовал, что он больше не помещается в своей раковине, и вышел из неё, чтобы поискать себе другую.

- Пстой! - шёпотом сказала ему Роза. - Ты хочешь меня оставить?

- Да что ты, - сказал Отшельник, - я просто вырос, и мне нужна другая раковина, побольше!

- Нет, ты хочешь меня оставить! - настаивала Роза. Она вся совершенно побелела.

И ему пришлось долго успокаивать её, но совсем успокоилась она только тогда, когда он нашёл другую раковину и посадил на неё Розу. И они снова тронулись в путь.

- Если бы ты меня оставил, я бы сразу умерла, - сказала Роза.

- Да и я тоже! - искренне сказал Отшельник.

И Роза снова засияла и начала рассказывать ему сказки и болтать всякие весёлые глупости, и за разговором они даже не заметили, что вода становится всё теплее и теплее, а это могло означать только одно: что они уже пришли в Седьмое море, в то самое море, где живёт страшная Госпожа К.

- Погоди-ка, что это такое? - сказал Отшельник и остановился, не дослушав сказки о том, как Рыба-Молот (такая есть) женилась на Рыбе-Наковальне (такой на самом деле нет) и что у них родилось множество детей: Рыба-Пила, Рыба-Гвоздь, Рыба-Серп, Рыба-Щипцы, Рыба-Напильник, Рыба-Подкова, Рыба-Меч и множество других рыб, из которых одни бывают, а другие нет...

Отшельник остановился потому, что перед ними было ужасное зрелище!

Впереди было ущелье между подводными скалами, и у входа в это ущелье лежала целая груда панцирей раков и крабов. Все они были пустые и расколотые пополам, словно орехи, и раздавленные, как яичная скорлупа. И Отшельнику показалось даже, что среди них лежат изуродованный панцирь и клешни дяди Краба. Правда, в такой горе панцирей, клешней и ног трудно было узнать какой-нибудь один панцирь, даже панцирь родственника...

Ясно было только одно: где-то поблизости живёт Госпожа К... Но путь к Алому городу лежал вперёд, только вперёд...

VII

Медленно, осторожно двинулся Отшельник по ущелью, ощупывая каждый клочок дна своими длинными усами и глядя во все глаза, хотя он и знал, что это почти бесполезно, потому что Госпожа К., как и её родственники осьминоги, спруты и кальмары, - умеет становиться невидимкой, когда захочет, и вы ни за что не отличите её от камня или кучи песка, пока она не кинется на вас, а тогда будет уже поздно...

Ущелье становилось всё уже, всё круче вздымались его скалистые стены с мрачными отверстиями пещер, всё темнее становилось кругом... А Отшельник всё шёл...

Вот снова стало светлее. Казалось, опасность миновала. Им оставалось лишь несколько десятков шагов до выхода, как вдруг в большой пещере блеснули чьи-то страшные глаза... Показались длинные щупальца... и медленно, беззвучно из пещеры выплыла Госпожа К.

- Роза, спасайся! - отчаянно крикнул Отшельник.

В ужасе он даже забыл, что Роза не умеет ходить, и, видимо, забыл, что сам он ходить умеет: он застыл на месте. И только угрожающе поднял клешни, чтобы прикрыть Розу...

А Каракатица (так по-настоящему называют Госпожу К.) не спеша - ведь она была уверена, что добыча от неё не уйдёт! - подплывала всё ближе.

Вот Отшельник уже мог разглядеть страшные присоски на концах её щупалец... Извиваясь, как змеи, щупальца всё приближались и наконец схватили бедного маленького Отшельника и неумолимо повлекли его туда, где мерцали огромные немигающие глаза. Щёлкнул страшный клюв...

Отшельник отчаянно боролся, но щупальца были крепкие, как железо... Клешни его бессильно опустились...

"Всё кончено, - мелькнуло в голове Отшельника. - Прощай, Роза!"

И тут сноп сверкающих молний ударил в толстое тело Каракатицы у самого основания её щупалец. Это Морская Роза пустила в ход своё грозное оружие жгучие стрелы, спрятанные в её прелестных лепестках. Да, недаром она говорила, что к ней никто не смеет прикоснуться!

Удар - и подёрнулись плёнкой немигающие глаза; удар - и щупальца бессильно повисли, выпустив свою жертву; ещё удар - и Каракатица как ошпаренная (в сущности, так и было!) отлетела в сторону, выпустив напоследок "чернильную бомбу" - облако тёмной, как чернила, краски... Всё заволочло чернильно-чёрной мглой...

А когда тьма рассеялась, Каракатицы нигде не было. Путь из ущелья был свободен.

- Ну что, кто кому показал, где раки зимуют? - спросила Роза.

VIII

Путь был свободен, и когда путешественники вышли на отмель, в ослепительном сиянии солнца им открылся город! Причудливы были очертания его стен, уступами поднимавшихся всё выше и выше и утопавших где-то наверху, там, где кончается море и начинается небо. И далеко-далеко разносились кругом весёлые звуки песен и неумолчная трескотня рыб (ты не забыл, что рыбы большие любители поболтать?).

"Ах, как, должно быть, весело тут живётся!" - подумали одновременно Отшельник и Роза.

И хотя они никогда не видели Алого города, они сразу догадались, что это он. Ведь стены у него были такого чудесного цвета - красные, и розовые, и пунцовые, и ярко-ярко-алые!

- Это ведь Алый город? - спросили путешественники у первого встречного.

Это оказалась Рыба-Доктор, которая как раз лечила больного Тунца от морской болезни. Доктор оторвался от своего дела и серьёзно сказал:

- Гм-гм! Алый город? Гм-гм! Это нельзя считать научным названием. Можете называть его Алым городом, если хотите, но на самом деле это Коралловый риф! Ведь его построили кораллы, и с научной точки зрения правильней называть это сооружение Коралловым рифом.

- Вспомнила! - неожиданно сказала Роза. - Так и зовут этих друзей... или родственников... Кораллы! Да, да, это они. Идём скорей.

Но когда Отшельник и Роза подошли к городу (или рифу) так близко, что им стали видны миллионы прозрачных венчиков, очень похожих на венец лепестков Розы (а именно так выглядят кораллы), Отшельник остановился и заговорил, и в ту же секунду заговорила Роза, так что они сказали хором:

- Я НЕ ХОЧУ ИСКАТЬ НИКАКИХ ДРУЗЕЙ, КРОМЕ ТЕБЯ!

- Давно бы так! - прозвучал удивительно знакомый голос. - Искать то, что давно нашёл, - это попусту тратить время!

То был, конечно, Дельфин, морской волшебник.

Видя, что ни Отшельник, ни Роза его не поняли, он прибавил:

- Чудаки! Да неужели вы до сих пор не догадались, что вы и есть самые настоящие друзья? Про настоящих друзей говорят: их водой не разольёшь! А ведь для вас не хватило целых семи морей!

- Иги-ги-ги! - тоненько заржал кто-то рядом.

Это был Морской Конёк, как всегда вертевшийся поблизости. Должно быть, впервые в жизни он засмеялся чужой, а не своей шутке:

- Иги-ги-ги-ги!

Но, конечно, ни Отшельник, ни Роза не обиделись. Ведь море было синее-синее - самое синее на свете! Жить было так весело, так интересно!

И они подхватили весёлую песенку, звучащую со всех сторон.

Никто и нигде,
Никто и нигде
Не жил веселое,
Чем рыбы в воде!

пели рыбки.

Но ведь мы - ты и я,
Мы - такие друзья,
Что нам бы могли бы
Позавидовать даже и рыбы!

пели Отшельник и Роза.

И, по-моему, они совершенно правы! Ведь если ты нашёл друга и поёшь с ним весёлую песню, значит, у тебя есть всё, что нужно для полного счастья!

Жил-был Фип

I

Жил-был Фип.

Правду сказать, жил он ещё так недолго, что даже сам и не знал, кем он был.

А был он инкубаторным цыплёнком трёх дней от роду - маленьким, жёлтым, пушистым комочком на тоненьких ножках и с тоненьким голоском: "Фип! Фип!"

Вместе с тысячами - если тебя интересуют цифры, могу сказать точно: вместе с 39312 (знаешь, как это произносится? С тридцатью девятью тысячами тремястами двенадцатью) - братьями и сестрами он появился на свет в огромном здании, на котором красовалась вывеска: "Птицефабрика № 2".

Появился на свет - так, пожалуй, можно сказать, хотя было там не так-то уж и светло. Правда, там было тепло; но не было ни солнца, ни неба, ни земли, ни травы, ни ветра - словом, ни природы, ни погоды!

Но Фип ни капельки из-за этого не огорчился! Ведь он и не подозревал, что на свете бывают такие вещи, как природа, погода, небо, солнце, земля и так далее. Что греха таить, знал он маловато, а умел ещё меньше.

И всё-таки он весело поклёвывал вкусную кашку из молотых зёрен, косточек, червячков и тому подобного (называется это кормовой смесью) и весело попискивал своим тоненьким голоском: "Фип!"

Уж это-то он умел.

И так продолжалось - ты не забыл - ровно три дня.

А на четвёртый день поутру его посадили в картонную коробочку, где уже сидело 35 (тридцать пять) его братьев и сестёр - таких же, как Фип, жёлтеньких и пушистых, и так же перепуганных. Все они, включая Фипа, пищали изо всех сил.

Но, как известно, писк обычно мало помогает.

Не помог он и нашим цыплятам. Их коробку погрузили в кузов маленького автомобиля "пикапа", где было совсем темно и не очень-то приятно пахло и где уже стояло множество таких же картонных коробок, - все они тоже отчаянно пищали. Но тут что-то громко зафыркало, затарахтело, зарычало: цыплята почувствовали, что всё куда-то едет, едет, едет... и запищали ещё громче, но, так как они сами не слышали собственного писка, им скоро

пришлось перестать.

Грузовичок вскоре остановился, и шофёр начал передавать притихшие коробочки в руки какой-то тётке.

Тётя, кстати сказать, была очень миловидная (то есть на неё было приятно смотреть).

И шофёр на неё так засмотрелся, что даже не заметил, как из одной коробочки полетел на траву жёлтый пушистый комочек.

Это был Фип.

II

Не от страха (испугаться он не успел), а, наверное, просто от неожиданности (ведь он ещё никогда не летал) Фип потерял сознание: он закрыл глаза и как будто заснул.

Но когда он пришёл в себя и открыл глаза, он испугался по-настоящему: прямо над ним нависла чья-то огромная страшная морда с большими зубами. Бедный Фип не знал, что делать. Он было вскочил на ноги, но они у него тут же подкосились; он снова зажмурился, но так было ещё страшней...

Всё это случилось с ним только потому, что он так мало знал; знай он чуть побольше, он бы понял, что эта страшная, как ему показалось, морда принадлежит весёлому, добродушному и любопытному Жеребёнку.

- Иго-го! Тебя как звать? - спросил Жеребёнок, и спросил так приветливо, что даже Фип как-то сразу начал понимать, что бояться вроде бы нечего.

- Фип, - ответил Фип.

- Ага-га! Фип, понял! - сказал Жеребёнок (тут-то Фип и получил своё имя). - А откуда ты взялся, Фип?

- Не знаю! - честно ответил Фип.

- Иги-ги, потерялся! - сообщил сообразительный Жеребёнок. - А что делать будешь?

- Не знаю... - опять признался Фип.

- Ага-га! А я знаю! Будешь своих искать!

- Каких своих? - слабо спросил ничего не понимающий Фип.

Жеребёнок тоненько заржал.

- Вот чудак! Своих не знает! Ты ведь кто? Птица! Значит, и твои птицы! Мои свои - лошади, а твои свои - птицы!

- А кто это - птицы? - заинтересовался Фип. Почему-то это слово ему понравилось.

- Иго-го! Птицы - это, брат... Ну, птички, понял?

- Не понял, - признался Фип.

- Ну, такие, с этими... с крыльями... Ну, которые по воздуху бегают быстро-быстро! Ещё говорят... Ага, вспомнил! Которые летают! - с удовольствием повторил Жеребёнок. Ему было приятно, что он вспомнил такое трудное слово.

Интересная и содержательная беседа продолжалась бы, возможно, ещё долго, но в это время кто-то из своих Жеребёнка призывно заржал (неподалёку паслось несколько лошадей), и Жеребёнок, крикнув:

- Бегу, мама! - понёсся прочь, успев на прощание только предупредить Фипа: - Ищи своих, а то совсем пропадёшь!

III

Фип встал на ноги и осмотрелся. Какой огромный, яркий, шумный мир окружал его! Зелёный-зелёный луг, синее-синее небо, а там, в небе, что-то ослепительно золотое - Фип было глянул и поскорей снова зажмурился... А как тепло, какие чудесные запахи, какой ласковый ветерок! От ветерка чуть колыхнется зелёная трава - такая высокая, что не только Фипу можно спрятаться в ней с головой, - и важно покачивают хорошенькими головками цветы. Их так много, они такие разные! Жёлтые, красные, белые, лиловые... И повсюду, куда ни глянь, - птицы. Они то перелетают с цветка на цветок, с травинки на травинку, то подолгу вьются в воздухе на одном месте, то стремительно, с жужжанием проносятся у Фипа над самой головой.

"Ну, тут я не пропаду, - радостно подумал Фип. - Сколько своих!"

Но странное дело, к кому бы из них Фип ни кидался, все птицы шарахались от него в сторону и поскорей уносили ноги. Никто из крылатых не только не желал вступить с Фипом в разговор, - никто не отвечал ему даже на самые вежливые вопросы.

На Фипово счастье, неподалёку от него на синий с жёлтым цветок плавно опустилась очень-очень большая птица, пожалуй, больше самого Фипа. У неё были пушистые усики, шесть тоненьких ножек, широкие разноцветные крылья, и при каждом её движении крылья эти отливали всеми цветами радуги. Наученный горьким опытом, Фип подошёл к ней, медленно, осторожно, и первым делом вежливо поздоровался.

- Здравствуйте, тётя! - пискнул Фип. - Можно мне спросить у вас одну вещь?

Бабочка (ты, конечно, догадался, что это была она) была такая большая, что не испугалась Фипа.

- Спрашивай, вежливый малыш, - сказала она.

- Тётя, вы - птица? - спросил Фип и тут же понял, что сказал что-то неподходящее.

Бабочка взмахнула крылышками, словно собиралась улететь.

- Не летайте, тётя! Пожалуйста! Пожалуйста! - отчаянно пискнул Фип.

Бабочка осталась на месте и принялась только усиленно обмахиваться крылышками.

- Как ты мог... как ты мог даже подумать обо мне такую ужасную вещь! сказала она наконец. - Я - птица? Б-р-р!

- Но ведь вы же летаете! - пискнул совершенно сбитый с толку Фип. - А кто летает - тот птица...

Тут Бабочка тоненько рассмеялась.

- Я вижу, ты просто глупыш и не хотел меня обидеть, - сказала она и улетела.

IV

День шёл к концу, а Фипу так и не удалось найти ни одной настоящей птицы. Бедняга совсем расстроился, а особенно огорчало его, что все, к кому он обращался, - все крылатые, все летающие, обижаются, когда он принимает их за птиц. А один большущий (чуть ли не больше самого Фипа) Жук даже обещал его отколотить за такие вопросы.

- Что же это получается? - рассуждал Фип вслух, устраиваясь на ночлег под кустиком (ему-то этот кустик казался большим деревом). - Получается чепуха: летают, а не птицы. Ну просто чепуха!

- Чепуха, мой друг, твои рассуждения! - вдруг послышалось откуда-то сверху. - Впрочем, меня это не удивляет. У вас там, внизу, всё вверх тормашками.

Фип поднял голову. Высоко над ним, на ветке кто-то висел вниз головой.

От изумления Фип не мог произнести ни звука.

- Да-с, - продолжала неизвестная собеседница Фипа, - попробуй рассуждать по-настоящему.

Видя, что Фип ничего не понимает, она пояснила:

- Насекомые летают, но они не птицы. Я летаю, но я не птица. Вывод: не все, кто летает, - птицы.

Фип разинул клювик от удивления и огорчения.

- Да-с, - с торжеством сказала незнакомка. - И больше того: не все птицы летают. Страус - не летает. Киви - не летает. Пингвин - не летает. А вот я - летаю.

И с этими словами Летучая Мышь (кто же это мог быть, кроме неё?) расправила огромные кожистые крылья и бесшумно исчезла в вечерних сумерках. Вскоре она вернулась, и что-то упало на голову Фипу. Ему показалось, что это были жёсткие надкрылья того самого Жука, который недавно грозился его поколотить...

- Птицы, а не летают, летают, а не птицы, - рассуждал сам с собой Фип. - Ну, как же тогда мне птиц узнать? - захныкал он так жалобно, что и Летучая Мышь смягчилась.

- Птиц узнать очень просто, - сказала она. - Они поют! Да-с!

- Птицы поют, птицы поют, - повторял Фип, чтобы не забыть. С этими словами он и заснул.

V

Утро было чудесное. Только Филу сразу захотелось пить и есть. Он склюнул несколько росинок с листьев и травы и начал поклёвывать зёрнышки, хотя они были зелёные и не такие вкусные, как те, которые давали Фипу раньше, но он был и тому рад и клевал их с большим увлечением.

Но вдруг он бросил своё увлекательное занятие и насторожился. Да, сомнений не было - кто-то громко-громко пел:

- В реке-кекс! В реке-реке-кекс!

Хотя Фип и не знал, что такое "кекс", ни даже что такое река, он так и кинулся на звук этой песни. Вполне естественно: во-первых, ему очень понравилась песня, а во-вторых (и это главное), это была песня и, значит, где-то рядом была и птица.

И действительно, на берегу большой лужи (или маленького прудика) сидел кто-то необыкновенно красивый: зелёный, блестящий, с большими блестящими глазами, и пел. Чудесно пел:

- В реке-кекс!

Фип так заслушался, что забыл обо всём на свете.

- Вы, конечно, птичка? - спросил он, когда певица наконец замолчала.

- Квак? - спросила певица. - Почему ты так решил?

- Мне сказали, что птички поют, а вы так замечательно поёте!

- Квак, квак я пою? - переспросила зелёная певица.

- Замечательно, чудесно! - восхищался Фип. - В жизни не слышал такого дивного пения!

Я думаю, не надо объяснять, что Фип говорил чистую правду: он ведь действительно в жизни не слышал пения.

- Ты, видать, умный головастик, - сказала зелёная певица. - Пою я действительно чудесно, замечательно! Это ты всё правильно говоришь. Но только я не птица. Вот ещё! Я - Лягушка!

Бедный Фип не мог скрыть своего разочарования.

- А я думал... а мне говорили - только птицы поют... - жалобным голосом протянул он.

- Хе-хе-хе! Кто это тебе говорил?

- Летучая Мышь, - сказал Фип.

- Летучая Мышь? Хе-хе-хе! - засмеялась Лягушка. - Ну, у неё, известно, всё вверх тормашками, она ведь вниз головой спит! Придумала тоже! Только птицы поют! Мы, лягушки, лучше всяких птиц поём, сам слышал! А почему?

Тут Лягушка сделала такую большую паузу, что Фипу волей-неволей пришлось спросить:

- Да, почему?

- Да потому, что мы первые на свете запели.

Лягушка снова сделала паузу, и Фипу опять пришлось спросить:

- Ну да?

- Да! Ведь было время, никто петь не умел, потому что все в воде жили, а там не очень-то распоешься. А вот мы, лягушки, сумели! И запели!

Лягушка снова замолчала, очевидно ожидая, чтобы Фип опять выразил свой восторг. Но Фип неправильно её понял.

- А как же мне тогда... - начал было он, но она его перебила:

- Да, мы первые запели, а там уж и другие... и птицы эти хвалёные, а уж теперь все, кому не лень, поют...

Фип снова попытался о чём-то спросить Лягушку, но она не обращала на него внимания.

- Все поют, - продолжала она с жаром, - кто может и кто не может. У птиц хоть голос есть какой-никакой, а многие - хе-хе-хе - совсем без голоса поют! До того техника дошла - не поверишь: ногами поют, ногами слушают. Можешь себе представить?

- Не могу, - честно признался Фип.

- Да вон, гляди, вон он, видишь там, зелёненький, коленками назад.

Фип посмотрел туда, куда показывала Лягушка, и увидел большого зелёного Кузнечика. Кузнечик сильно чиркнул ножкой по крылу, ещё, ещё - и полилась всем знакомая песенка.

- Видишь, вот он самый и есть, - с удовлетворением сказала Лягушка, жаль, далековато сидит, а то мы бы его получше рассмотрели.

И тут Фип вдруг заплакал.

- Ой-ой-ой, что же мне делать? Все летают, все поют, - всхлипывал он, как же мне птиц узнать?

Лягушка заметила, что бедный цыплёнок совсем расстроился, и ей стало его жалко.

- Как птиц узнать? Это я тебя, головастик, научу, - сказала она добродушно. - Кто поёт - хорошо, кто летает - тоже хорошо, но это ещё полдела. А главное дело - кто гнездо строит, тот и птица. Понял?

- Ничего я не понял, - ответил Фип. - Какие ещё гнёзда? Где они бывают?

- Опять я тебя, головастик, научу, - продолжала Лягушка. - Гнёзда всякие бывают. И всюду они бывают: на земле, на кустах, на деревьях... Ищи только лучше. Да вон оно! Вон оно, гнездо! Во-о-о-н там, в тростнике, видишь?

- Большое спасибо, тётя, - крикнул Фип и бегом устремился к тростникам, туда, где на высокой, стройной тростинке покачивалось гнёздышко, очень хорошенькое гнёздышко, сплетённое из сухих травинок.

- Птица, птица, выходи! - крикнул Фип ещё на бегу. На этот раз он был уже совершенно уверен, что нашёл своих.

И на его призыв действительно из гнёздышка выглянула чья-то очаровательная мордочка, за ней - вторая, третья. Просто удивительно было, как они все там помещались.

- Вы - птицы? - спросил Фип упавшим голосом. Почему-то его уверенность начала пропадать.

- Хи-хи! - ответили из гнезда. - Он думает, мы птицы. Хи-хи! Хи-хи! Какие ж мы птицы? Ты разве не видишь, мышата мы!

- Мышата... - растерянно протянул Фип. - А зачем же вы в гнезде сидите?

- Как зачем? Это наше гнёздышко!

- А мне говорили: птички гнёзда вьют.

- Птички несут яички, - сообщили ему наперебой все три мышонка.

- Несут яички? А куда? - грустно спросил Фип. И тут раздался такой взрыв хохота, что он, повесив голову, зашагал прочь.

- Эй, малыш, погоди! - крикнул кто-то ему вслед.

Фип неохотно обернулся. Из гнезда выглядывала мордочка побольше. Это была мама мышат, Мышь-Малютка.

- Ты ищешь птичек? - спросила она. - Так вот: птички правда живут в гнёздышке и правда несут яички, такие белые, кругловатые, а бывают и раскрашенные!

- Спасибо, - сказал Фип. - Белые, кругловатые, - повторил он. И вдруг перед его глазами всплыла знакомая картина: белые, кругловатые... Время от времени они лопались, и на волю выходил брат или сестрёнка Фипа.

- Вспомнил! - запищал Фип, очень взволнованный. - Так и есть, и я был в яичке, значит, я правда птица!

От радости он начал клевать всё, что попало, и сам не заметил, как забрался на какую-то покрытую сухими иголками и колючими ветками кочку. На её верхушке лежали белые кругловатые предметы, очень похожие на те, о которых Фип только что вспоминал, только маленькие, и он стал клевать их тоже.

- Эй, ты! Ты что делаешь? - слышался такой тонюсенький голосок, что Фипов писк мог по сравнению с ним показаться басом. - Это наши яички! Мы их несём сушить, а ты клюёшь!

- Вы несёте яички? - спросил ошеломлённый Фип, разыскивая глазами, кто это говорит. - Да где же вы? Значит, вы птички? Где же вы?

- Вот мы где, - отвечал тоненький голосок, и тут Фип наконец увидел своего собеседника. Это был рыжий Муравей.

- Так это вы птички? - с сомнением сказал Фип. - Птички несут яички, машинально повторил он заученную фразу.

- Да что ты, дяденька, - с искренним недоумением ответил Муравей. - При чём тут птички? Что у них там за яички? Ну, одно-два яичка снесёт или там пяток, и всё. А у нас, у муравьев, - ого-го! У нас, брат, царица за день столько яичек отложит - и счёту нет! Миллион! А то даже тыщу!

Так как Фип совершенно не умел считать, на него это муравьиное хвастовство не произвело впечатления. Он понял только одно: он опять не нашёл птичек. Окончательно разочарованный, он поплёлся прочь.

- Что же это получается? - убивался Фип, присев отдохнуть под высоким-высоким, до самого неба, деревом. - Летают - и не птички... Поют - и не птички... Гнёзда вьют - и не птички... Яички несут - и то не птички! разрыдался бедный цыплёнок. - Все - не птички! А кто же тогда

птички? сказал он, ни к кому не обращаясь.

И в ответ он неожиданно услышал чей-то глубокий, добрый-предобрый голос:

- Птицу узнаешь по перу. - И с вершины дерева, под которым сидел Фип, плавно, медленно слетело вниз птичье перышко - красивое, лёгкое, блестящее. Плавными, широкими кругами опускалось оно всё ниже и ниже, и, когда оно заканчивало круг, вновь зазвучал добрый, глубокий голос: это говорило Дерево.

- Есть птицы, которые не поют... Есть птицы, которые не летают... И гнёзд не выют... Есть птицы и совсем без крыльев... Но нет птицы без перьев!

Дерево умолкло, и, словно поставив точку, перышко опустилось Фипу прямёхонько на нос.

- А у меня ведь и перьев нет?... Значит, я сам не птица! - ахнул Фип.

Но он не успел даже расстроиться, потому что рядом с ним на землю опустился кто-то, ростом даже чуть поменьше Фипа, но ужасно бойкий, весёлый и нахальный и весь в перьях.

- Известно, не птица! Курица - не птица! - весело сообщил Воробей (это был именно он и никто другой).

- А я разве курица? - спросил бедный Фип.

- Ты-то? Ты даже ещё не курица, - продолжал насмешник. - Ты - цыплёнок, хорошо ещё, хоть нежареный!

- Ой-ой-ой! - захныкал Фип. - Ну, где же мне найти своих?

И он повесил голову с таким убитым видом, что его пожалел бы даже разбойник Коршун, не только честный Воробей.

- Да не хнычь ты! - весело чирикнул он. - Вон они, твои!

- Где? - недоверчиво поднял голову страдалец Фип.

- Квох-квох! - донеслось до его слуха. - Квох-квох!

Лучше этого Фип ещё ничего не слышал в своей богатой приключениями жизни. И лучше этой картины он не видел: совсем неподалёку на лужок вышла птица - большая, красивая, пёстрая, а за ней, весело попискивая, попевала целая дюжина таких же жёлтых пушистых комочков, как сам Фип.

Фип рванулся было к ним, но вдруг остановился.

- А перья? - спросил он робко.

- А перья вырастут! - засмеялся Воробей. - Лети, лети к своим, не сомневайся!

И Фип полетел. Со всех ног.

Сказка про всех на свете

Жили-были...

Жили-были, по правде говоря, все на свете. И сказка эта как раз про них - ПРО ВСЕХ НА СВЕТЕ. Но так как про всех на свете сразу рассказать уж очень трудно, то лучше попробуем сначала рассказать про ягнёнка. А там, глядишь, доберёмся и до всех на свете...

Так вот, жил-был ягнёнок, маленький, хорошенький ягнёнок по имени Барашек. Жил он со своей мамой, неподалёку от большого луга, где росла Кашка (многие называют её клевером), и он её очень любил. И между прочим, ел эту Кашку (любую: белую, розовую и даже лиловатую) без всяких фокусов и капризов, без уговоров и сказок. Не то что НЕКОТОРЫЕ!

А ещё он очень любил своего большого друга, Чмока (его большой друг это был маленький щенок по имени Чмок).

А ещё он очень любил играть.

И - бывают же такие совпадения! - Чмок тоже очень любил играть! Да, да, любил играть, хотя его Хозяин был УЧЁНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Во что они только не играли: и в салочки, и в пряталки, и в казаки-разбойники, и в "горячо-холодно"!

Не знаю, поверите ли вы мне или нет, но только Барашек выучился у Чмока играть в такие игры, в какие ягнята никогда не играют. В собачьи игры!

Он и палку в зубах таскал (а Чмок её отнимал), он и на задних лапках (вернее, ножках, какие же у ягнёнка лапки!) ходил и даже... немножко лаял. Правда, это у него не очень хорошо получалось. Лаял он так: "Бе-е! Бе! Бе-бе!"

Но согласитесь - для ягнёнка и это неплохо! Недаром и Чмок так любил Барашка!

Зато, как и все (или очень многие) собачки, Чмок терпеть не мог Кошек. Любимая его песня была такая:

Если встречается Кошка с Собакой,
Дело обычно кончается дракой.
Если Собака с Кошкой встречается,
Дело, как правило, тем же кончается!..

Вот однажды играли Барашек с Чмоком на лугу, а из-за кустика на них смотрел маленький Котёнок. И так они славно играли, так хорошо веселились, что Котёнку, сами понимаете, тоже ужасно захотелось с ними поиграть. Долго он не решался к ним подойти. Но когда друзья набегались и напрыгались до изнеможения и мирно улеглись рядышком - тут Котёнок наконец отважился: вышел из-за кустов и пошёл прямо к ним. Подошёл и говорит:

- Примите и меня-я!..

Чмок как вскочит:

- Чего, чего?

- Поиграть примите, - робко говорит Котёнок.

- Примем, а? - говорит Барашек. (Котёнок ему сразу понравился.)

- Ты молчи, овечка! - говорит Чмок. - Ещё чего! На что нам Кошки!

Котёнок очень удивился:

- Как на что Кошки?.. А на что... А на что Собаки?..

Эх, лучше бы он этого не говорил!

- Ах, на что Собаки?! - зарычал Чмок. - Ты не знаешь? Ну, я тебе сейчас покажу!

Сморщил нос, оскалил зубки, кинул задними ногами целую тучу земли и песку да как бросится на Котёнка!

Котёнок - бежать. Чмок за ним. И Барашек следом.

И совсем было схватил Чмок Котёнка, чуть-чуть в хвостик ему не вцепился, да, спасибо, рядом дерево стояло. Увернулся Котёнок и на дерево залез.

Сидит на тоненькой веточке - мяучит жалостно. А Чмок под деревом бегают, лает:

- Вуф! Воф! Р-р-р! Вэф!

И Барашек туда же: тоже прыгает и тоже лает:

- Бе-е! Бе! Бе-бе!

Словом, целый скандал. Да такой скандал, что на шум вышел из дому сам Чмоков Хозяин.

- Мой четвероногий друг, не будешь ли ты так добр кратко изложить мне причины этого с трудом выносимого нарушения тишины? - сказал Хозяин.

Конечно, не всякий догадался бы, что всё это значит, но Чмок привык к тому, как выражается Хозяин, и он сразу перевёл его слова на простой человеческий язык. Получилось:

- Ты что тут шумишь?

- Я кошку прогоняю, - ответил Чмок и залаял вдвое громче.

- Прогоняешь Кошку? - удивился Хозяин. - А каковы мотивы этих странных действий, мой юный друг?

В переводе на простой человеческий язык это означало:

- А зачем?

- Как зачем? - Чмок тоже удивился. - А на что нам Кошки? - И он залаял втрое громче.

- Ай-яй-яй! - сказал Хозяин. - Я не ослышался? Ты действительно так сказал?

- А на что нам Кошки? - повторил Чмок. - Да чтоб они все пропали!

- Бедный мой друг! - сказал Хозяин. - Ты произнёс роковые слова, которые могут иметь фатальные последствия.

Ну, тут уж и Чмок, несмотря на весь свой опыт, ничего не понял. Он разинул рот и молча уставился на Хозяина. Хозяин печально покачал головой и пояснил:

- Я хочу сказать, что добром это для тебя не кончится.

Но, видя, что Чмок всё равно не понимает, Хозяин сказал просто:

- А ну-ка, пойді сюда и послушай сказку.

Как тут было не послушаться! Чмок подошёл к Хозяину и лёг у самых его ног.

- Так вот, - сказал Хозяин. - Жил-был один царь - очень злой, глупый и жадный. Такой жадный, что однажды, увидав Воробья, который клевал зёрнышки, он сказал: "Э-ге-ге! Один Воробей склюёт одно зёрнышко; два Воробья склюют два зёрнышка; сто Воробьёв склюют сто зёрнышек... да этак я совсем разорюсь! А на что нам Воробьи? Да чтоб они все пропали!"

И мало того, что он произнёс эти роковые слова, которые могут иметь фатальные последствия, - он ещё приказал своим подданным выгнать всех Воробьёв из своего царства. И подданные послушно принялись стрелять из ружей, бить в барабаны, трещать трещотками и лупить в кастрюли (не говоря уже о медных тазах), так что бедные Воробышки в ужасе полетели куда глаза глядят, и скоро во всём этом царстве не осталось ни одного-единственного Воробья.

Глупый царь этому очень обрадовался. А ещё больше обрадовались этому Гусеницы, Жуки и Мошки - ведь Воробьи их клевали!

И в скором времени в этом царстве начался страшный голод, потому что Гусеницы, Жуки и Мошки съели весь урожай. А на другой год глупому царю пришлось отправляться за тридевять земель и на коленях умолять Воробьёв вернуться обратно...

Вот что бывает, когда произносят роковые слова, которые могут иметь фатальные последствия... Понял? - сказал Хозяин и посмотрел Чмоку прямо в глаза.

- Чего понял? - переспросил Чмок. - При чём тут Воробьи? Я их и не трогал!

- Ну, что ж, поймёшь со временем, - сказал Хозяин, засмеялся, махнул рукой и пошёл домой. А Чмок подхватил какую-то палочку и со всех ног кинулся обратно к дереву, на котором всё ещё сидел Котёнок.

- А на что нам Кошки? - повторял Чмок на бегу. - Чтоб они все пропали!

И то ли эти слова действительно были вроде волшебного заклинания, то ли просто глупую щенячью просьбу услышал какой-то волшебник и решил подшутить над Чмоком, - только, подбежав к дереву, Чмок уже не увидел там никакого Котёнка.

Котёнок исчез. И не только он один.

Исчезла полосатая серая кошечка, которая играла с клубком. Исчезла пушистая белая кошечка, кормившая целый выводок котят (котята исчезли вместе с ней); исчезла худая чёрная кошка, которая стерегла мышиную нору; исчезла рыжая кошка, которая мирно спала в кресле; исчезли все сибирские коты и ангорские кошки, и сиамский кот - с тёмными, как у

соболя, лапками и мордочкой; и голубой персидский кот с курносом носом, - словом, все-все-все коты и кошки исчезли в одну минуту, не исключая игрушечных кошечек и даже глиняных кошек-копилок.

Правда, Чмок этого не заметил. У него было очень много разных дел. А на другой день их стало ещё больше: он должен был разгрызть одну хозяйскую тапочку, а другую затащить под диван, и облаять трёх прохожих (по очереди), и, кроме того, вырыть большую яму под кустом цветущих роз. А ещё на другой день его взяли на реку купаться, и потом он до поздней ночи всё никак не мог просохнуть, так что только на следующее утро он заметил, что вот уже три дня, как он ни разу не видал своего лучшего друга - Барашка - и очень по нему соскучился.

Но на лугу, где они всегда играли, ягнёнка не было; не было его и на улице, а когда Чмок подошёл к калитке дома, где Барашек жил, и стал его кликать, оттуда выглянула Старая Овца - Барашкова мама - и грустно сказала:

- Он не выйдет. Вот уже третий день он лежит больной и ничего не ест... ничего в рот не берёт... Всё просит Кашки - белой, розовой или хотя бы лиловатой. А где я её возьму? - Старая Овца заплакала.

- Кашки? - переспросил Чмок. - Ну, это мы сейчас! - И он понёсся на знакомый луг с такой быстротой, что задние ноги у него, как у зайца, обгоняли передние.

Три раза Чмок обежал весь луг. Вернее, в первый раз он его обежал сломя голову, во второй - рысцой, а на третий раз он шёл шагом, свесив свой розовый язычок.

Нигде на всём лугу не было Кашки.

И только на самом-самом краю Чмок нашёл один-единственный цветочек Кашки, который покачивался на тоненьком стебельке и, видимо, тоже собирался убежать.

- Пстой, пстой! - сказал Чмок. - Куда вы все девались? Где все остальные?

Цветок грустно покачал головкой.

- Мы ушли, - сказал он. - И мы до тех пор не вернёмся сюда, пока сюда не вернутся Шмели.

Кто такие Шмели, Чмок уже прекрасно знал (однажды он пытался поймать Шмеля, приняв его за Муху), и потому он сильно удивился.

- Шмели? - сказал он. - Да ты что? Они кусачие! Они вас всех перекусают!

Цветок засмеялся. За ним засмеялись и другие Цветы. Особенно заливались Колокольчики.

- Да ты что! - выговорил наконец Цветок. - Шмели кусаются? Я слыхал, что кусаются собаки! - И он снова засмеялся.

Чмок промолчал.

- А Шмели, - продолжал Цветок, - это наши лучшие друзья. Мы без них просто жить не можем!

- Без этих жужжачих и кусачих? - Чмок удивился ещё больше. - Жить не можете? Почему?

- Всё очень просто, - терпеливо пояснил Цветок. - Если к нам не будут прилетать Шмели, то у нас не будет семян. А ведь мы сами вырастаем из семян, и значит, если к нам не будут

прилетать Шмели, нас скоро тоже совсем не будет. Ну, теперь-то ты понял?

- Понял не понял, пойду искать Шмелей, - со вздохом ответил Чмок и отправился на поиски.

Ему пришлось немало побегать, прежде чем он наконец заметил толстого, важного Шмеля, который чем-то занимался на ветке шиповника.

- Извините, - сказал Чмок (очень вежливо!), - можно к вам на минуточку?

- Обож-ж-ди! - прогудел Шмель. - Я должен написать письмо.

Чмок так и сел. Неужели Шмели умеют писать? Он смотрел на Шмеля очень внимательно, но тот ничего не писал, а, как показалось Чмоку, зачем-то кусал лист шиповника.

Наконец Шмель закончил своё дело.

- Письмо готово, - сказал он с удовлетворением. - Теперь можно на минуточку!

- А где же?.. Где же ваше письмо? - спросил Чмок.

- Письмо? - переспросил Шмель. - Письмо - вот оно. Оно у меня не простое, а душистое. Покусаешь листик, останется запах, вот тебе и письмо. Можешь сам прочитать. Подходи, подходи, не бойся! - сказал он, видя, что Чмок не очень торопится.

- По-моему, ничем не пахнет, - сказал расхраб्रившийся наконец Чмок, тщательно обнюхав листик.

- Эх, ты! А я слышал - у Собак нюх хороший. Любой Шмель моё письмо и через три дня прочтает, - сказал Шмель с гордостью. - Ну, да не в этом дело. Рассказывай, зачем пришёл.

- Ах, да, чуть не забыл, - спохватился Чмок. - Пожалуйста, вернитесь на тот луг, где Кашка росла. Она вас очень просит. И я тоже. Очень-очень!

Шмель задумчиво повёл усиками.

- Оно бы можно, - сказал он. - Да только нельзя.

Видя, что Чмок окончательно сбит с толку, Шмель продолжал:

- Вот если бы с того луга Мыши ушли, тогда бы можно. А так - нельзя. Там Мышей вдруг развелось видимо-невидимо, а они наши гнёзда разоряют. Я как раз и пишу всем Шмелям, чтобы на тот луг не летали, - гудел Шмель, но Чмок его уже не дослушал. Он со всех ног мчался прогонять Мышей.

Но что он ни делал (а он и бегал, и прыгал, и раскапывал норки, и лаял), всё было напрасно.

Со всех сторон из-под земли появлялись насмешливые мышиные мордочки и слышалось:

- Хи-хи! Хи-хи! Хи-хи!

- Убирайтесь вон! - грозно рычал Чмок. - А то я вас!

Мордочки исчезали, но тут же откуда-то сзади снова слышалось:

- Хи-хи! Хи-хи! Хи-хи!

Совершенно замученный и сконфуженный, поплёлся Чмок домой, и, понутив голову и поджав хвостик, подошёл он к скамейке, на которой сидел его Хозяин.

- Я вижу, мой юный друг, - сказал Хозяин, - что твои дела не в блестящем положении.

- Совсем никуда, - признался Чмок и даже лёг на землю.

- Так, значит, теперь ты понял, что бывает, когда произносят роковые слова, которые... Ну, и так далее?

- Понял, - сказал Чмок виновато. - Надо Мышей прогнать.

- Ну, что ж, можно помочь твоему горю, - сказал Хозяин. - Но тебе для этого придётся потрудиться...

- Потрудиться? Пожалуйста! - радостно вскочил Чмок.

- ...потрудиться выучить и спеть песню "Про всех на свете", и спеть её не одному, а кое с кем!

И с этими словами Хозяин достал из-за пазухи... кого бы вы думали? Совершенно верно - Котёнка.

Чмок было насупился, но потом поднял голову и лизнул Котёнка в нос. Понятно, это означало: "Не сердись, и давай дружить!". И Котёнок сразу его понял: он замурлыкал мелодию песни "Про всех на свете". А Хозяин подхватил. Он-то знал и слова. А чуть попозже запел и Чмок. А назавтра они пели её втроем: Чмок, Барашек и их новый друг - Котёнок.

И пели они её на лугу, где порой слышался мышиный писк (но не так уж часто!), зато снова жужжали Шмели и цвела Кашка - белая, розовая и даже лиловатая.

И так как вам, наверно, тоже хочется узнать, что это за песня "Про всех на свете", то вот её слова:

Все-Все,
Все на свете,
На свете нужны,
И Мошки
Не меньше нужны, чем Слоны.
Нельзя обойтись
Без чудищ нелепых
И даже без хищников,
Злых и свирепых.
Нужны все на свете!
Нужны все подряд
Кто делает мёд
И кто делает яд!
Плохие дела
У Кошки без Мышки,
У Мышки без Кошки
Не лучше делишки!
И, если мы с кем-то

Не очень дружны,
Мы всё-таки ОЧЕНЬ
Друг другу нужны!
А если нам кто-нибудь
Лишним покажется,
То это, конечно,
Ошибкой окажется!
Все-Все,
Все на свете,
На свете нужны,
И это все дети
Запомнить должны!

Почему деревья не ходят

- Почему? - сказал Зайчонок,
И Зайчиха-мать вздохнула.
Почему деревья, мама,
Никогда гулять не ходят?
Ведь они уже большие,
Почему бы им не бегать?
Все ведь, мама, любят бегать,
Почему ж они не ходят?
- Почему? - сказала мама.
Потому что не умеют!
Ног у них, деревьев, нету,
Наказание ты наше!
- По чему? - переспросила
Очень умная Сорока.
По земле!
Сама сказала
И сама же рассмеялась.
Все вокруг захохотали.
Засмеялись звери, птицы,
Белки громко затрещали:
- Только нам и не хватало,
Только нам и не хватало,
Чтобы прыгали деревья!
Даже глупые Лягушки
Захихикали в болоте:
- Ква-ква-ква! Какой он глупый!
Вот нашёл себе заботу,
Почему не ходят палки!
Есть же умные вопросы:
"Скоро ли начнётся дождик?
Где найти побольше тины?
Чем набить сегодня пузо?"
Ты бы вот над чем подумал,
Глупый маленький Зайчонок!
Правда, Ёж - колючий ёжик
Проворчал:

- Легко смеяться,
А попробуйте ответить!
Глупых, дети, нет вопросов!
Вот ответов глупых - вдоволь!
Но никто его не слышал
Все смеялись над Зайчонок.
И никто не знал ответа.
А Зайчонок не смутился,
Просто отошёл в сторонку,
На траве он растянулся
Под тенистым старым дубом,
Потихоньку повторяя:
- Кто же всё-таки мне скажет,
Кто же всё-таки ответит:
Почему стоят деревья,
Почему они не ходят?
И с зелёной ветки дуба
Прозвучал чудесный голос:
- Я на твой вопрос отвечу.
Я тебе отвечу - правду.
И, услышав этот голос,
Птицы сразу замолчали,
Звери уши наострили,
Замолчали и Лягушки
Словно в рот воды набрали.
Все узнали этот голос
Соловья узнаешь сразу!

I

Много лет назад, Зайчонок,
У ручья стояла Ива.
Год за годом зеленела,
Подрастала год от года
Не спеша растут деревья,
А какие вырастают!
Не спеша живут деревья.
Целый век стоят на месте,
Уходя корнями в землю,
Простирая ветки к солнцу.
Ничего они не ищут,
Ни о чём они не просят
Им ведь нужно так немного:
Свет,
Земля,
Вода
И ветер
То, чего искать не надо,
То, что всем даётся даром.
А ещё деревьям нужно,
Чтоб Земля была прекрасна,

И живут они, деревья,
Украшая нашу землю:
Красотой листвы зеленой,
Красотою тонких веток,
Красотой стволов могучих,
Несказанной красотою
Доброты своей извечной!
Потому что все деревья,
И кусты, цветы и травы,
Все они живут на свете
По Зелёному закону:
Ничего они не ищут,
Ничего не отнимают,
Никого не обижают,
Всем готовы поделиться.
Так сейчас живут деревья,
Так они и раньше жили,
Так жила и наша Ива.
И она росла неспешно,
А своей могучей кроной,
Говорят, коснулась неба,
А могучими Корнями
Глубины земной коснулась.
У ручья она стояла,
И дружили с Ивой рыбки
Подплывали к ней без страха,
У корней её резвились,
И в тени её прохладной
В жаркий день скрывались зайцы
И прекрасные олени
Чудо-звери, у которых
Над печальными глазами
Тоже ведь растут деревья,
Только зимние, без листьев.
А в её листве зелёной
Песни целый день звучали
С ней дружил народ крылатый:
Птицы, радостное племя,
На ветвях гостеприимных
Вили гнёзда, пели песни...
Песни петь они умели!
А она умела слушать:
Ни листок не шелохнётся,
Заскрипеть сучок не смеет.
Мы, певцы, народ пугливый,
Мы, певцы, народ крылатый:
Нас спугнуть - совсем нетрудно,
А вернуть - не так-то просто!
Не заманишь,
Не заставишь
Петь,

Когда нам не поётся...
Песни петь любили птицы,
А она любила слушать.
Ведь до самой сердцевины
Эти песни проникали:
Сок быстрее тёк по жилам,
Ярче листья зеленели,
Выпрямлялся ствол упруго...
Да, Зайчонок, это правда!

II

Да, Зайчонок,
Всё живое
На Земле подвластно песне!
Почему - никто не знает,
Мы, певцы, не знаем сами...
Почему при звуке песни
И цветы сильнее пахнут,
И плоды быстрее зреют,
И сердца сильнее бьются?
Почему навстречу песне
Из глубин морских выходят
Осторожные тюлени,
Звери мудрые - дельфины?
И порой под звуки песни
Даже змеи забывают
О своём смертельном яде
И о злобе ядовитой
И танцуют, извиваясь
В лад нехитрому напеву,
Словно вправду песня может
Сделать страшное - прекрасным!
Словно вправду песня может
Сделать смертное - бессмертным,
Словно песня, только песня
На Земле не знает смерти.
Если ты мне дашь травинку
И тебе я дам травинку,
То у каждого, Зайчонок,
Так и будет по травинке.
Если ж песню мне подаришь,
Отдарю тебя я песней,
То у нас с тобой, Зайчонок,
Сразу станет по две песни!
Говорят, никто на свете
Сотворить не может чуда.
Мы, певцы, не верим в это:
Знаем, есть на свете песни!

III

И однажды утром птицы
Пели Песню Дальних Странствий.
Пели песню о дороге
О дороге, что уводит
По холмам и по долинам,
По степям необозримым,
Мимо рек неторопливых
К снеговым вершинам горным,
К морю, к морю-океану,
К нашей древней колыбели...
Пели птицы, распевали,
Пели птицы, воспевали
Красоту Земли и Моря.
Пели так, что даже камень,
Если б эту песню слышал,
Если б эту песню понял,
С места своего сорвался,
Зашагал бы в путь-дорогу!
Жадно вслушивалась Ива
В колдовские звуки песни.
Сок быстрее тёк по жилам,
Ярче листья зеленели...
Вдруг она к Земле склонилась,
И Земле она взмолилась:
- Отпусти меня в дорогу!
Мать-Земля, сама ты знаешь
Ничего я не искала,
Ни о чём я не просила.
В первый раз тебя прошу я,
Об одном я умоляю:
Отпусти меня на волю,
Отпусти меня в дорогу!
Всё живое, все живые,
Все создания земные
Ходят, бегают, летают...
В чём, скажи, я провинилась?
Я одна стою на месте,
Неподвижна, словно камень...
Словно камень, вросший в землю
Я не камень! Я живая!
Я хочу тебя увидеть!
Я хочу увидеть море!
Отпусти меня на волю!
Отпусти меня в дорогу!
Долго не было ответа,
Долго Мать-Земля молчала...
Наконец весенним громом
Смех весёлый прокатился:
- Вот неслыханные речи!

Вот невиданное дело!
На веку своём, не скрою,
Кое-что я повидала,
Кое-что пришлось услышать,
Не видала,
Не слыхала,
Чтобы дерево ходило!
- Мать, не смейся надо мною!
Отпусти меня в дорогу!
- Отпустить тебя нетрудно,
Только прежде ты подумай:
Разве знаешь, разве можешь
Знать,
Куда ведёт дорога?
Ведь дорога - это тайна.
По дороге - неизвестность,
И в конце дороги - тайна!
- Отпусти меня в дорогу
Я хочу изведать тайну!
- Как бы ты не пожалела,
Если я исполню просьбу!
Не пришлось бы горько плакать,
Если ты узнаешь тайну!
- Пусть я буду вечно плакать
Отпусти меня в дорогу!
Если ты мне мать родная,
Если ты меня жалеешь,
Отпусти меня в дорогу!

IV

В это сказочное время,
В незапамятные годы,
Мать-Земля была моложе,
Много мягче и добрее,
И она любила Иву.
- Что ж, иди, - Земля сказала,
Не печалься - ты свободна!
Я держать тебя не стану
Уходи куда угодно.
Добрый путь тебе, былинка!
Добрый путь тебе, травинка!
И не бойся - ведь повсюду
Вместе я с тобою буду!..
И напрягся ствол могучий,
Мощно дерево рванулось,
И Земля с тяжёлым вздохом
Уступила,
Расступилась.
Зашумев листвою, крона
Наклонилась,

Покачнулась,
Разом корни обнажились
И вперёд шагнула Ива.
Да, вперёд она ступила,
Неуверенно и робко,
Как беспомощный младенец,
Первый шаг для всех нелёгок.
Но уже через минуту
Гордо выпрямилась Ива
И уверенной походкой
Великанскими шагами
Зашагала по дороге,
По дороге, что уводит
По холмам и по долинам
К морю, к морю-океану,
К нашей синей колыбели...
Как была Земля прекрасна!
Как звала вперёд дорога!
С каждым шагом открывались
Иве новые просторы,
С каждым шагом открывались
Неизведанные дали,
Неиспытанная радость!..
Всё вольней дышала Ива,
Всё быстрее она шагала.
Относило ветки ветром,
Как относит ветром гриву
У летящего галопом
Скакуна степных просторов.
И зелёными глазами
Изумлённо вслед глядели
Все кусты, деревья, травы...

V

Первый шаг всегда нелёгок,
И второй немногим легче,
Но всего трудней - последний!
...Вот уже донёс к ней ветер
Долгожданный запах моря,
Долгожданный голос моря
Равномерный, неумолчный,
Бесконечный шум прибоя.
И - остановилась Ива.
Так немного оставалось!
А она - остановилась!
И натруженные корни
Опустила, окунула
Прямо в воду ледяную,
В воду быстрой горной речки,
Хлопотливо, торопливо

По камням сбегавшей к морю...
Так она стояла, тихо,
Словно тихо задремала
Под протяжный шум прибоя,
Убаюкана напевом
Самой древней песни мира,
Самой древней колыбельной...

VI

Но Земля заговорила:
- Что же ты остановилась?
Ты хотела видеть море
И оно перед тобою.
Шаг один тебе остался,
И волны коснёшься веткой,
Изопьёшь солёной влаги.
- Я не знаю, что со мною,
Тихо Ива отвечала.
Словно червь во мне завёлся:
Он сосёт меня и гложет,
Не даёт и шага сделать...
- Этот червь сосёт, былинка,
Всех, кто вышел на дорогу.
Этот червь зовётся голод.
- Голод?.. Что такое голод?
Робко Ива повторила
И сама затрепетала
В ожидании ответа.
- Знай, - Земля проговорила,
Час пришёл, настало время,
Час тебе изведать тайну!
Тайна эта всем открыта
И у всех перед глазами,
Да никто её не знает,
Ибо смотрят - и не видят,
Видят - и не понимают,
Те, кто понял, - забывают,
Вспоминать о ней не любят!..
Погляди, - Земля сказала,
Оглядись вокруг, былинка!
И как будто бы впервые
Ива зрячими глазами
Посмотрела.
Увидала.

VII

Увидала, как олени
Щиплют травы, гложут ветки,
Как в просторном небе птицы

На лету хватают мошек,
А серебряные рыбки
Червяков в воде глотают...
Как из зарослей подводных
Щука молнией метнулась,
И исчезла в хищной пасти
Зазевавшаяся рыбка...
Как с высот небесных коршун
Камнем ринулся на птицу,
И схватил её когтями,
И понёс её куда-то...
И как волки жадной стаей
Догоняют, настигают
Благородного оленя,
И поток горячей крови
На сырую землю хлынул,
Оросил Цветы и Травы...

.....
.....

- Да! - Печально и сурово
Мать-Земля проговорила.
Знала ты закон Зелёный.
Есть другой закон - Звериный
Правит он на свете всеми,
Кто выходит на дорогу!
Голод гонит их в дорогу
Не затем, чтоб любоваться
Красотой Земли и Моря,
Чтобы гнаться за добычей
И спастись от погони!
Голод гонит их в дорогу.
Утоляют голод - кровью,
Алой кровью зверя, птицы
Иль зелёной вашей кровью...
Ты вступила на дорогу,
Ты сама о том просила!
И, сама того не зная,
Приняла закон Звериный!
Ты подобна им отныне
Щуке, коршуну и волку,
И, подобно им, отныне
Будешь жить чужою кровью.
Будешь жить чужою смертью!
Вот тебе разгадка тайны!

VIII

Вдруг
Отбившийся от стада
Длинноногий Оленёнок

Перед Ивой очутился.
Задышался он от бега,
Он дрожал, малыш, от страха,
И текли большие слезы
Из печальных глаз, глядевших
На неё с такой тоскою,
Что к нему склонилась Ива.
Ива ветку протянула,
Чтоб погладить, успокоить
И утешить Оленёнка.
Но Земля проговорила:
- Это он - твоя добыча!
Ешь его! Чего ж ты медлишь?
Разорви его на части!
Крови досыта напейся!
Утоли сосущий голод
И живее вновь в дорогу!
И, услышав это слово,
Ива что-то простонала,
Дрожь прошла по телу Ивы,
Корни с судорожной силой
В землю влажную вцепились,
Ветки гибкие поникли...
Чёрный мрак её окутал.

IX

А когда она очнулась,
Длинноногий Оленёнок
К ней доверчиво прижался.
Он щипал листочки Ивы,
Недовольно тряс головкой,
Недовольно, громко фыркал:
- Фу, как горько!
Фу, как горько!
И Земли суровый голос
Зазвучал сердечной лаской,
Материнской добротою:
- Ты прости меня, былинка!
Я с тобою пошутила...
Если ты того захочешь,
Всё останется, как прежде.
Хоть и стала ты другою,
Будешь жить, как все деревья,
Все Цветы, Кусты и Травы,
По Зелёному закону!
И по-прежнему с друзьями
Будешь радостно делиться
И своей прохладной тенью,
И своей зелёной веткой,
И своими семенами,

И своим дыханьем чистым...
Никого ты не страшила
И не будешь ведать страха,
Никого не обижала
И не будешь знать обиды,
Даже боли не узнаешь,
Смерть твоя, травинка, будет
Лёгкой и благоуханной...
Лишь одно спросила Ива:
- Разве нет другой дороги
Той, в которую выходят
По Зелёному закону?
Но Земля ей отвечала:
- Ты, дитя, узнала тайну.
Больше знать тебе не надо.
Здесь конец твоей дороги...
И навек умолкла Ива.
Так стоит она у моря,
Головой касаясь неба,
Уходя корнями в землю...
Лишь поникли ветки Ивы,
Листья Ивы поседели,
Будто инеем покрылись
От дыханья лютой стужи...
На ветру они трепещут,
И как будто струи льются,
И как будто льются слезы,
Льются - и не иссякают.
Словно вечно плачет Ива,
Плачет горько, молчаливо
Над великой, древней тайной,
Непосильной
Для деревьев.

* * *

Ты спросил меня, Зайчонок,
Почему стоят деревья,
Почему они не ходят,
Я на твой вопрос ответил
Позабытой, старой песней
Песней о плакучей Иве.
"Позабыли эту песню,
А она - не умирает!
А она живёт на свете
Лишь затихла, затаилась.
Так листок таится в почке,
Так таится в камне искра,
В туче молния таится:
Час придёт, настанет время
С громом небо озарится!

Почему её забыли?
Потому что в песне - правда.
Почему не умирает?
Потому что правда - в песне.
А для этой правды
Время
И прошло,
И не настало..."
Так кончали песню прежде.
Я закончу по-другому:
Нынче время этой песне!
Время именно сегодня,
Время петь её сегодня,
И сегодня время слушать:
Ведь сегодня эту песню
Вместе с нами слышат люди!

Считалия

Из окошка мне видна
Расчудесная Страна,
Где живут Считалочки.
Каждый там не раз бывал,
Кто когда-нибудь играл
В прятки или в салочки...
Чудесный край!.
.

Сам Заяц Белый вас встречает,
Как будто в вас души не чает.
Неутомимо, в сотый раз
Он повторяет свой рассказ
И вот уже вы там, как дома!
Всё так привычно, так знакомо:
И многошумный Лес Дубовый
(Хотя он здесь шумит века,
Но с виду он совсем как новый),
И Мост, Дорога и Река
Здесь ехал Грека через Реку
И сунул руку в реку Грека.
Тут шла Собака через Мост
Четыре лапы, пятый - хвост!
Вот знаменитые Вареники
(Их ели Энеке и Бенеке);
Там, помнится, Кады-Мады
Корове нёс ведро воды...
А вот Крылечко Золотое,
Горячим солнцем залитое
И днём и ночью.
А на нём,
Набегавшись, сидят рядком,

Сидят, обнявшись, как родные,
Цари, Сапожники, Портные...
А ты кем будешь? Выбирай!

.....

Страна чудес! Чудесный край!

.....

Здесь - аты-баты, аты-баты!
Не на войну, а на базар
Шагают добрые Солдаты
И покупают самовар,
Здесь за стеклянными дверями
Весёлый Попка с Пирогами.
Он пироги не продаёт,
А так ребятам раздаёт...
И счастье даром здесь даётся!
А горе - если иногда
Посмеет заглянуть сюда
Надолго здесь не остаётся:
Ведь здесь и горе не беда!
Здесь весело блестят слезинки,
Здесь плачут так, что хоть пляши!
Здесь - в самой маленькой корзинке
Всё, что угодно для души!
Да, всё - буквально всё на свете!
И то, чего не видел свет!
И разве только смерти нет
Её не принимают дети...
(Здесь иногда в неё играют,
Поскольку здесь - не то, что тут
Лишь понарошку умирают,
По-настоящему живут!)
Здесь и не то ещё бывает:
На небо месяц выплывает,
А вслед за ним встаёт Луна...
Здесь Мальчик Девочке - слуга!
Здесь своеволие в почёте,
Но строго властвует закон,
И - если нет ошибки в счёте
Послушно все выходят вон...
И я здесь побывал когда-то...
И, повинувшись счёту лет,
Я тоже вышел вон, ребята,
И мне, увы, возврата нет.
Мне вход закрыт бесповоротно,
Хотя из каждого двора
Так беззаботно и свободно
Сюда вбегает детвора,
Хоть нет границы, нет ограды,
Хотя сюда - рукой подать,
И может статься, были б рады
Меня здесь снова повидать...